

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ

А Л Ь М А Н А Х И

ИЗДАТЕЛЬСТВА

„ШИПОВНИКЪ“

Книга 23.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

Гдѣ и когда я познакомился съ Ант. Павл. Чеховымъ — не помню.

Въ первый періодъ нашего знакомства, т. е. до возникновенія Художественнаго театра, мы изрѣдка встрѣчались съ нимъ на официальныхъ обѣдахъ, юбилеяхъ, въ театрахъ.

Эти встрѣчи не оставили въ моей памяти никакого слѣда, за исключеніемъ трехъ моментовъ.

Помню встрѣчу въ книжномъ магазинѣ А. С. Суворина въ Москвѣ.

Самъ хозяинъ (въ то время издатель Чехова) стоялъ среди комнаты и съ жаромъ порицалъ кого то.

Незнакомый господинъ въ черномъ цилиндрѣ и сѣромъ макинтошѣ, въ очень почтительной позѣ стоялъ рядомъ, держа только что купленную пачку книгъ, а А. П., опершись о прилавокъ — просматривалъ переплеты, лежавшихъ подлѣ него книгъ и изрѣдка прерывалъ рѣчь А. С. Суворина короткими фразами, которыя принимались взрывомъ хохота.

Очень смѣшонъ былъ господинъ въ цилиндрѣ; отъ прилива смѣха и восторга онъ бросалъ пачку книгъ на прилавокъ и спокойно бралъ ее опять, когда становился серьезнымъ.

Антонъ Павловичъ обратился и ко мнѣ съ какой-то привѣтливой шуткой, но тогда я не сумѣлъ оцѣнить его юмора.

Мнѣ трудно покаяться въ томъ, что Антонъ Павловичъ былъ

мнѣ въ то время мало симпатиченъ. Онъ мнѣ казался гордымъ, надменнымъ и не безъ хитрости. Манера ли его запрокидывать назадъ голову (она происходила отъ его близорукости: такъ ему удобнѣе было смотрѣть черезъ пенснэ), привычка ли глядѣть поверхъ говорящаго съ нимъ, или суетливая манера ежеминутно поправлять пенснэ дѣлали его въ моихъ глазахъ надменнымъ и неискреннимъ,—не знаю. На самомъ то дѣлѣ все это происходило отъ милой застѣнчивости, которой въ то время я уловить не могъ.

Другая малозначащая встрѣча, уцѣлѣвшая у меня въ памяти, произошла въ Москвѣ, въ театрѣ Корша на музыкально-литературномъ вечерѣ въ пользу фонда литераторовъ. Я въ первый разъ выступалъ въ настоящемъ театрѣ передъ настоящей публикой и былъ очень занятъ собой. Не безъ умысла оставилъ я верхнее платье не за кулисами, какъ полагается актерамъ, а въ корридорѣ партера. Я рассчитывалъ видѣть А. П. здѣсь, среди любопытныхъ взоровъ той публики, которую я собирался поразить. Въ дѣйствительности случилось иначе. Мнѣ пришлось торопиться, чтобы уйти незамѣченнымъ. Въ эту то критическую минуту и произошла встрѣча съ Антономъ Павловичемъ. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и привѣтливо обратился съ слѣдующими словами:

— Вы же, говорятъ, играете мою пьесу «Медвѣдь»—Послушайте, сыграйте же. Я приду посмотрѣть, а потомъ напишу рецензію.

Помолчавъ, онъ добавилъ:

«Авторскія получу».

Помолчавъ еще, онъ заключилъ:

«1 р. 25 коп.».

Признаться, я обидѣлся тогда, зачѣмъ онъ не похвалилъ меня за только что исполненную роль.

Теперь я вспоминаю эти слова съ умиленіемъ.

Вѣроятно, А. П. хотѣлъ ободрить меня своей шуткой послѣ только что испытанной мною неудачи.

Обстановка третьей и послѣдней уцѣлѣвшей въ моей памяти встрѣчи перваго періода знакомства съ А. П. такова:

Маленькій тѣсный кабинетъ редактора извѣстнаго журнала. Много незнакомыхъ людей. Накурено. Извѣстный въ это время

архитекторъ и другъ А. П. Чехова, демонстрировалъ планъ зданія для народнаго дома, чайной и театра. Я робко возражалъ ему по своей специальности. Всѣ глубокомысленно слушали, а А. П. ходилъ по комнатѣ, всѣхъ смѣшилъ и—откровенно говоря—всѣмъ мѣшалъ. Въ тотъ вечеръ, онъ казался особенно жизнерадостнымъ: большой, полный, румяный и улыбающійся. Тогда я не понималъ, что его такъ радовало. Теперь я знаю. Онъ радовался новому и хорошему дѣлу въ Москвѣ. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что къ темнымъ людямъ проникнетъ маленькій лучъ свѣта.

И послѣ, всю жизнь, его радовало все, что красить человѣческую жизнь.

— Послушайте! это же чудесно — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ, и дѣтски чистая улыбка молодила его.

* * *

Второй періодъ нашего знакомства съ Антономъ Павловичемъ—богатъ дорогими для меня воспоминаніями.

Весной 1898 г. зародился Московскій Художественный Общедоступный Театръ.

Пайщики набирались съ большимъ трудомъ, такъ какъ новому дѣлу не пророчили успѣха.

Антонъ Павловичъ откликнулся по первому призыву и вступилъ въ число пайщиковъ. Онъ интересовался всѣми мелочами нашей подготовительной работы и просилъ писать ему почаще и побольше.

Онъ рвался въ Москву, но болѣзнь приковывала его безвыѣздно къ Ялтѣ, которую онъ называлъ Чортовымъ островомъ, а себя сравнивалъ съ Дрейфусомъ.

Больше всего онъ, конечно, интересовался репертуаромъ будущаго театра.

На постановку его «Чайки», онъ ни за что не соглашался. Послѣ неуспѣха ея въ Петербургѣ — это было его больное, а слѣдовательно, и любимое дѣтище.

Тѣмъ не менѣе, въ августѣ 1898 г. «Чайка» была включена въ репертуаръ. Не знаю какимъ образомъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко уладилъ это дѣло.

Я уѣхалъ въ Харьковскую губернію писать «mise en scène».

Это была трудная задача, такъ какъ къ стыду моему, я не понималъ пьесы. И только во время работы, незамѣтно для себя, я вжилъ и безсознательно полюбилъ ее. Таково свойство чеховскихъ пьесъ: поддавшись обаянію, хочется вдыхать ихъ ароматъ.

Скоро, изъ писемъ, я узналъ, что А. П. не выдержалъ и пріѣхалъ въ Москву. Пріѣхалъ онъ вѣроятно для того, чтобы слѣдить за репетиціями «Чайки», которыя уже начались тогда. Онъ очень волновался. Къ моему возвращенію его уже не было въ Москвѣ. Дурная погода угнала его назадъ въ Ялту. Репетиціи «Чайки» временно прекратились.

Настали тревожные дни открытія Художественнаго Театра и первыхъ мѣсяцевъ его существованія. Дѣла театра шли плохо. За исключеніемъ Θεодора Іоанновича, дѣлавшаго большіе сборы, ничто не привлекало публики.

Всѣ надежды возлагались на пьесу Гауптмана «Ганнеле».

Московскій Митрополитъ Владимиръ нашелъ ее нецензурной и снялъ съ репертуара театра.

Наше положеніе стало критическимъ, тѣмъ болѣе, что на «Чайку» мы не возлагали матеріальныхъ надеждъ.

Однако пришлось ставить ее.

Всѣ понимали, что отъ исхода спектакля зависѣла судьба театра. Но этого мало. Прибавилась еще гораздо большая отвѣтственность. Наканунѣ спектакля, по окончаніи мало удачной генеральной репетиціи, въ театръ явилась сестра Антона Павловича, Марія Павловна Чехова. Она была очень встревожена дурными извѣстіями изъ Ялты. Мысль о вторичномъ неуспѣхѣ «Чайки» при тогдашнемъ положеніи больного—приводила ее въ ужасъ, и она не могла примириться съ тѣмъ рискомъ, который мы брали на себя.

Мы тоже испугались и заговорили даже объ отмѣнѣ спектакля, что было равносильно закрытію театра. Не легко подписать приговоръ своему собственному созданію и оставить труппу на голодовку.

А пайщики? что они сказали бы?

Наши обязанности по отношенію къ нимъ были слишкомъ ясны.

На слѣдующій день въ 8 ч. занавѣсъ раздвинулся. Публики было мало.

Какъ шелъ первый актъ—не знаю. Помню только, что отъ всѣхъ актеровъ пахло валеріановыми каплями. Помню, что мнѣ было страшно сидѣть въ темнотѣ и спиной къ публикѣ во время монолога Зарѣчной и что я незамѣтно придерживалъ ногу, которая нервно тряслась.

Казалось, что мы проваливались.

Занавѣсъ закрылся при гробовомъ молчаніи. Артисты пугливо прижались другъ къ другу и прислушивались къ публикѣ. Гробовая тишина. Изъ кулисъ тянулись головы мастеровыхъ и тоже прислушивались. Кто то заплакалъ. Книпперъ подавляла истерическое рыданіе. Мы молча двинулись за кулисы.

Въ этотъ моментъ публика разразилась стономъ и аплодисментами.

Бросились давать занавѣсъ.

Говорятъ, что мы стояли на сценѣ въ полъ-оборота къ публикѣ, что у насъ были странныя лица, что никто не догадался поклониться въ сторону залы и что кто то изъ насъ даже сидѣлъ. Очевидно мы не отдавали себѣ отчета въ происходившемъ.

Въ публикѣ успѣхъ былъ огромный, а на сценѣ была настоящая Пасха. Цѣловались всѣ, не исключая постороннихъ, которые ворвались за кулисы. Кто то валялся въ истерикѣ, многіе, и я въ томъ числѣ, отъ радости и возбужденія танцевали дикій танецъ.

Къ концу вечера публика потребовала, чтобы автору была послана телеграмма.

Съ этого вечера между всѣми нами и Антономъ Павловичемъ установились почти родственныя отношенія.

Первый сезонъ окончился, и наступила весна; зазеленѣли деревья.

Вслѣдъ за ласточками перебрался на сѣверъ и Антонъ Павловичъ. Онъ помѣстился въ маленькой квартирѣ своей сестры на Малой Дмитровкѣ, Дегтярный пер. д. Шешкова.

Самый простой столъ посреди комнаты, такая же чернильница, перо, карандашъ, мягкій диванъ, нѣсколько стульевъ, чемоданъ съ книгами и записками, словомъ, только необходимое и

ничего лишняго—это была обычная обстановка его импровизированнаго кабинета во время путешествія.

Со временемъ комната пополнилась нѣсколькими эскизами молодыхъ художниковъ, всегда талантливыми, новыми по направленію и простыми. Тема этихъ картинъ въ большинствѣ случаевъ тоже самая простая: русскій пейзажъ въ духѣ Левитана—березки, рѣчка, поле, помѣщичій домъ и проч.

Скоро на письменномъ столѣ появились тоненькія тетрадки. Ихъ было очень много. Антонъ Павловичъ былъ занятъ въ то время корректурой своихъ мелкихъ, забытыхъ имъ рассказовъ самой ранней эпохи. Онъ готовилъ своему издателю, Марксу, новый выпускъ мелкихъ рассказовъ. Знакомясь съ ними вновь, онъ добродушно хохоталъ и тогда его густой баритонъ переливался по всей маленькой квартирѣ.

Рядомъ съ его комнатою часто шумѣлъ самоваръ, а вокругъ чайнаго стола, точно калейдоскопъ, смѣнялись посѣтители. Одни приходили, другіе уходили.

Здѣсь часто и долго сиживалъ покойный художникъ Левитанъ, поэтъ Бунинъ, Владимиръ Ивановичъ Немировичъ-Данченко, артистъ нашего театра Вишневскій, Сулержицкій и многіе другіе.

Не думайте, чтобы послѣ успѣха «Чайки» и нѣсколькихъ лѣтъ его отсутствія, наша встрѣча была трогательна. Антонъ Павловичъ сильнѣе обыкновеннаго пожалъ мнѣ руку, мило улыбнулся. Онъ не любилъ экспансивности, я же чувствовалъ въ ней потребность, такъ какъ сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ его таланта. Мнѣ было уже трудно относиться къ нему просто, какъ раньше. Я чувствовалъ себя маленькимъ въ присутствіи знаменитости. Мнѣ хотѣлось быть лучше и умнѣе, чѣмъ меня создалъ Богъ, и потому я выбиралъ слова, старался говорить о важномъ и очень напоминалъ психопатку въ присутствіи кумира. Антонъ Павловичъ замѣтилъ это и конфузился, и много лѣтъ послѣ я не могъ установить простыхъ отношеній, а вѣдь только ихъ Антонъ Павловичъ и искалъ со всѣми людьми.

Кромѣ того, при этомъ свиданіи я не сумѣлъ скрыть впечатлѣнія фатальной переменъ, происшедшей въ немъ. Болѣзнь

сдѣлала свое жестокое дѣло. Быть можетъ мое лицо испугало Антона Павловича, но намъ было тяжело оставаться вдвоемъ. Къ счастью, скоро пришелъ Влад. Ив. Немировичъ-Данченко, и мы заговорили о дѣлѣ.

Оно состояло въ томъ, что мы хотѣли получить право на постановку его пьесы «Дядя Ваня».

— Зачѣмъ же? Послушайте, не нужно,—я же не драматургъ—отказывался Антонъ Павловичъ—да и театра вашего я не знаю.

Это была хитрость. Ему просто хотѣлось посмотрѣть «Чайку» въ нашемъ исполненіи. Мы дали ему эту возможность. За неимѣніемъ постоянного помѣщенія, нашъ театръ временно обосновался въ Никитскомъ театрѣ; тамъ и былъ объявленъ спектакль безъ публики. Туда были перевезены всѣ декорации.

Обстановка грязнаго, пустого, неосвѣщеннаго и сырого театра, съ вывезенною мебелью, казалось бы не могла настроить актеровъ и ихъ единственнаго зрителя. Тѣмъ не менѣе спектакль доставилъ удовольствіе Антону Павловичу. Вѣроятно, онъ очень соскучился о театрѣ за время ссылки въ Ялтѣ.

Съ какимъ почти дѣтскимъ удовольствіемъ онъ ходилъ по сценѣ и обходилъ грязныя уборныя артистовъ! Онъ любилъ театръ не только съ показной его стороны, но и съ изнанки.

Спектакль ему понравился, но нѣкоторыхъ исполнителей онъ осуждалъ. Въ томъ числѣ и меня за Тригорина.

— Вы же прекрасно играете, сказалъ онъ, но только не мое лицо. Я же этого не писалъ.

— Въ чемъ же дѣло? спрашивалъ я.

— У него же клѣтчатые панталоны и дырявые башмаки.

Вотъ все, что пояснилъ мнѣ Антонъ Павловичъ на мои настойчивыя приставанія.

— Клѣтчатые панталоны и сигару курить вотъ такъ.

Больше я отъ него ничего не добился.

И онъ всегда такъ высказывалъ свои замѣчанія: образно и кратко.

Они удивляли и врѣзывались въ память. Антонъ Павловичъ точно задавалъ шарады, отъ которыхъ не отдѣлаешься до тѣхъ поръ, пока ихъ не разгадаешь.

Эту шараду я разгадалъ только черезъ шесть лѣтъ при вто-

ричномъ возобновленіи «Чайки». Въ самомъ дѣлѣ, почему я игралъ Тригорина хорошенькимъ франтомъ въ бѣлыхъ панталонахъ и такихъ же туфляхъ «*bain de mère*»? Неужели потому, что въ него влюбляются? Развѣ этотъ костюмъ типиченъ для русскаго литератора? Дѣло, конечно, не въ клѣтчатыхъ брюкахъ, драныхъ башмакахъ и сигарѣ. Нина Зарѣчная, начитавшаяся милыхъ, но пустенькихъ небольшихъ рассказовъ Тригорина, влюбляется не въ него, а въ свою дѣвическую грезу. Въ этомъ и трагедія подстрѣленной Чайки.

Въ этомъ насмѣшка и грубость жизни.

Первая любовь провинціальной дѣвочки не замѣчаетъ ни клѣтчатыхъ панталонъ, ни драной обуви, ни вонючей сигары. Это уродство жизни узнается слишкомъ поздно, когда жизнь изломана, всѣ жертвы принесены, любовь обратилась въ привычку. Нужны новыя иллюзіи, такъ какъ надо жить, и Нина ищетъ ихъ въ вѣрѣ.

Однако, я отвлекся.

Исполненіе одной изъ ролей онъ осудилъ строго до жестокости. Трудно было предположить ее въ человѣкѣ такой исключительной мягкости. Антонъ Павловичъ требовалъ, чтобы роль была отобрана немедленно, не принималъ никакихъ извиненій и грозилъ запретить дальнѣйшую постановку пьесы.

Пока рѣчь шла о другихъ роляхъ, онъ допускалъ милую шутку надъ недостатками исполненія, но стоило заговорить объ этой роли, какъ Антонъ Павловичъ сразу мѣнялъ тонъ и тяжелыми ударами билъ беспощадно.

— Нельзя же, послушайте. У васъ же серіозное дѣло,—говорилъ онъ.

Вотъ мотивъ его беспощадности.

Этими же словами выразилось и его отношеніе къ нашему театру. Ни комплиментовъ, ни подробной критики, ни поощреній онъ не высказывалъ.

Всю эту весну, благодаря теплой погодѣ, Антонъ Павловичъ провелъ въ Москвѣ и каждый день бывалъ на нашихъ репетиціяхъ. Онъ не вникалъ въ нашу работу. Онъ просто хотѣлъ находиться въ атмосферѣ искусства и болтать съ веселыми актерами. Онъ любилъ театръ, но пошлости въ немъ онъ не

выносилъ. Она заставляла его или бодѣзненно съеживаться, или бѣжать оттуда, гдѣ она появлялась.

— Миѣ же нужно, позвольте, меня ждутъ—и онъ уходилъ домой, усаживался на диванъ и думалъ.

Черезъ нѣсколько дней, точно рефлексомъ, Антонъ Павловичъ произносилъ для всѣхъ неожиданно какую нибудь фразу, и она мѣтко характеризовала оскорбившую его пошлость.

— Прррынципуально—неожиданно промолвилъ онъ однажды и закатился продолжительнымъ хохотомъ. Онъ вспомнилъ невообразимо длинную рѣчь одного не совсѣмъ русскаго человѣка, говорившаго объ поэзіи русской деревни, употреблявшаго это слово въ своей рѣчи.

Мы, конечно, пользовались каждымъ случаемъ, чтобъ говорить о «Дядѣ Ванѣ», но на наши вопросы Антонъ Павловичъ отвѣчалъ кратко:

— Тамъ же все написано.

Однако, одинъ разъ онъ высказался опредѣленно.

Кто то разсказалъ объ одной провинціальной постановкѣ «Дяди Вани». Тамъ исполнитель заглавной роли игралъ его опустившимся помѣщикомъ, въ смазныхъ сапогахъ и въ мужицкой рубахѣ.

Такъ всегда изображаютъ русскихъ помѣщиковъ на сценѣ.

Боже, что сдѣлалось съ Антономъ Павловичемъ отъ этой пошлости!

— Нельзя же такъ, послушайте! У меня же написано: онъ носить чудесные галстуки. Чудесные! Поймите, помѣщики лучше насъ съ вами одѣваются.

И тутъ дѣло было, конечно, не въ галстукѣ, а въ главной идеѣ пьесы.

Самородокъ Астровъ и поэтическій Дядя Ваня—глохнутъ въ захолустѣ, а тупица профессоръ блаженствуетъ въ Петербургѣ вмѣстѣ съ себѣ подобными.

Вотъ затаенный смыслъ ремарокъ объ галстукѣ.

Дядя Ваня имѣлъ у насъ большой успѣхъ. По окончаніи спектакля публика потребовала: «Телеграмму Чехову».

Судя по письмамъ, Антонъ Павловичъ жилъ всю зиму мечтой о поѣздкѣ въ Москву.

Теперь онъ душевно привязался къ нашему театру, котораго ни разу не видалъ, если не считать импровизированнаго спектакля «Чайки».

Онъ задумалъ писать пьесу для насъ.

— Но для этого необходимо видѣть вашъ театръ—твердилъ онъ въ своихъ письмахъ.

Когда стало извѣстно, что доктора запретили ему весеннюю поѣздку въ Москву.—мы поняли его намеки и рѣшили ѣхать въ Ялту со всей труппой и обстановкой.

Въ апрѣлѣ 1900 г. вся труппа съ семьями, декораціями и обстановкой для четырехъ пьесъ выѣхали изъ Москвы въ Севастополь.

За нами потянулись кое кто изъ публики, фанатики Чехова и нашего театра... и даже одинъ извѣстный критикъ С. В. Васильевъ (Флеровъ). Онъ ѣхалъ съ спеціальной цѣлью: давать подробные отчеты объ нашихъ спектакляхъ.

Это было великое переселеніе народовъ.

Крымъ встрѣтилъ насъ непривѣтливо.

Ледяной вѣтеръ дулъ съ моря, небо было обложено тучами, въ гостиницѣ топили печи, а мы все таки мерзли.

Театръ стоялъ еще заколоченнымъ съ зимы и буря срывала наши афиши, которыя никто не читалъ.

Мы приуныли.

Но вотъ взошло солнце, море улыбулось и намъ стало весело.

Пришли какіе то люди, отодрали щиты отъ театра и распахнули двери. Мы вошли туда. Тамъ было холодно, какъ въ погребѣ. Это былъ настоящій подвалъ, который не вывѣтришь и въ недѣлю, а черезъ два, три дня надо было уже играть. Больше всего мы беспокоились объ Антонѣ Павловичѣ: какъ онъ будетъ здѣсь сидѣть въ этомъ затхломъ воздухѣ? Цѣлый день наши дамы выбирали мѣста, гдѣ ему лучше было бы сидѣть, гдѣ меньше дуетъ и т. д.

Наша компанія все чаще стала собираться около театра, вокругъ котораго закипѣла жизнь.

У насъ праздничное настроеніе:—второй сезонъ, всѣ разо-

дѣлись въ новые пиджаки, шляпы все это молодо; и ужасно всѣмъ намъ нравилось, что мы актеры. Всѣ старались быть чрезмѣрно корректными—это, молъ, не захудалый какой нибудь театръ, а столичная труппа.

Наконецъ, явилась какая то расфранченная дама. Она объявила себя мѣстной аристократкой, другомъ Чехова и потребовала литерную ложу на всѣ спектакли. За ней потянулась къ кассѣ публика и очень скоро разобрала всѣ билеты на четыре объявленныхъ спектакля.

Ждали пріѣзда Чехова.

Пока О. Л. Книпперъ, отпросившаяся въ Ялту, нечего не писала намъ оттуда, и это беспокоило насъ.

Въ Вербную субботу она вернулась съ печальнымъ извѣстіемъ о томъ, что Антонъ Павловичъ захворалъ и едва ли сможетъ пріѣхать въ Севастополь.

Это всѣхъ опечалило.

Отъ нея мы узнали также, что въ Ялтѣ гораздо теплѣе (всегдашнее извѣстіе оттуда), что Антонъ Павловичъ удивительный человѣкъ и что тамъ собрались чуть не всѣ представители русской литературы: Горькій, Маминъ-Сибирякъ, Станюковичъ, Бунинъ, Елпатьевскій, Найденовъ, Скиталецъ.

Это еще больше взволновало насъ.

Въ этотъ день пошли покупать пасхи и куличи къ предстоящему разговленію на чужой сторонѣ.

Въ полночь колокола звонили не такъ, какъ въ Москвѣ, пѣли тоже не такъ, а пасхи и куличи отзывались рахатъ-лукумомъ.

Многіе изъ нашихъ актеровъ, совершенно раскритиковали Севастополь, рѣшивъ, что Пасху можно встрѣчать только на родинѣ. За то прогулка около моря послѣ разговленія и утренній весенній воздухъ заставили насъ забыть о сѣверѣ.

На разсвѣтъ было такъ хорошо, что мы пѣли цыганскія пѣсни и декламировали стихи подъ шумъ моря.

На слѣдующій день, мы съ нетерпѣніемъ ожидали парохода, съ которымъ долженъ былъ пріѣхать Антонъ Павловичъ.

Онъ вышелъ послѣднимъ изъ каютъ-компаніи, блѣдный и похудѣвшій. Антонъ Павловичъ сильно кашлялъ.

У него были грустные, больные глаза, но онъ старался дѣлать привѣтливую улыбку.

Мнѣ захотѣлось плакать.

Нашъ ярый фотографъ любитель Тихомировъ снялъ его на сходищѣ парохода и, потомъ вездѣ, гдѣ только могъ, онъ ловилъ Антона Павловича и фотографировалъ его: то одного, то вмѣстѣ съ труппой, во всѣхъ видахъ и положеніяхъ. Это постоянное сниманіе вѣроятно запомнилось Антону Павловичу и дало ему поводъ написать сценку фотографированія въ «Трехъ Сестрахъ», которыхъ онъ тогда вынашивалъ въ головѣ.

Но общей безтактности посыпались вопросы объ его здоровьи.

— Прекрасно. Я же совсѣмъ здоровъ — отвѣчалъ Антонъ Павловичъ.

Онъ не любилъ заботъ о его здоровьи не только постороннихъ, но и близкихъ. Самъ онъ никогда не жаловался, какъ бы плохо себя ни чувствовалъ.

Скоро онъ ушелъ въ гостиницу, и мы не беспокоили его до слѣдующаго дня.

Остановился онъ у Ветцеля.

На слѣдующій день, то есть въ Пасхальный понедѣльникъ—начинались наши гастроли. Предстояло двойное испытаніе—передъ Антономъ Павловичемъ и передъ новой публикой.

Весь день прошелъ въ волненіи и хлопотахъ.

Я только мелькомъ видѣлъ Антона Павловича въ театрѣ. Онъ приходилъ осматривать свою ложу и все беспокоился закроютъ ли его отъ публики.

Не смотря на рѣзкій холодъ, онъ былъ въ легонькомъ пальто. Объ этомъ много говорили, но онъ опять отвѣчалъ коротко:

— Послушайте! Я же здоровъ!

Въ театрѣ была стужа, такъ какъ весь онъ былъ въ щеляхъ и безъ отопленія.

Уборная согрѣвались керосиновыми лампами, но вѣтеръ выдувалъ тепло. Вечеромъ мы гримировались всѣ въ одной маленькой уборной и нагрѣвали ее теплотой своихъ тѣлъ, а дамы, которымъ приходилось щеголять въ кисейныхъ платьицахъ перебѣгали въ сосѣдную гостиницу, тамъ онѣ отогрѣвались и мѣняли костюмы.

Въ 8 часовъ пронзительный ручной колокольчикъ сзывалъ публику на первый спектакль «Дяди Вани».

Темная фигура автора, скрывавшагося въ директорской ложѣ за спинами Владимира Ивановича Немировичъ-Данченко и его супруги волновала насъ.

Первый актъ былъ принятъ холодно, но къ концу успѣхъ выросъ въ большую овацію. Требовали автора.

Онъ былъ въ отчаяніи, но все таки вышелъ.

На слѣдующій день переволнованный А. Р. Артемъ слегъ и на репетицію не пришелъ. Антонъ Павловичъ, страшно любившій лѣчить, какъ только узналъ объ этомъ, обрадовался пациенту. Да еще пациентъ этотъ былъ А. Р. Артемъ, котораго онъ очень любилъ. Сейчасъ же съ Тихомировымъ онъ отправился къ больному. А мы все выслѣживали и выспрашивали—какъ Антонъ Павловичъ будетъ лѣчить А. Р. Артема. Любопытно, что идя къ больному, Антонъ Павловичъ зашелъ домой и взялъ съ собой молотокъ и трубочку.

— Послушайте, я же не могу такъ, безъ инструментовъ,—сказалъ онъ озабоченно.

И долго онъ его тамъ выслушивалъ, выстукивалъ, а потомъ сталъ убѣждать, что вообще лѣчиться не нужно. Далъ какую то мятную конфекту:

— Вотъ, послушайте же, скушайте это.

На томъ лѣченіе и окончилось, такъ какъ Артемъ выздоровѣлъ.

Антонъ Павловичъ любилъ приходить во время репетицій, но такъ какъ въ театрѣ было очень холодно, то онъ только по временамъ заглядывалъ туда, а большую часть времени сидѣлъ передъ театромъ на солнечной площадкѣ, гдѣ обыкновенно грѣлись на солнышкѣ актеры. Онъ весело болталъ съ ними, каждую минуту приговаривая.

— Послушайте, это-же чудесное дѣло, это-же замѣчательное дѣло—вашъ театръ.

Это была, такъ сказать, ходовая фраза у Антона Павловича въ то время.

Обыкновенно бывало такъ: сидитъ онъ на площадкѣ, веселый,

оживленный, болтаетъ съ актерами или актрисами и при каждой возможности ругаетъ Ялту. Тутъ уже звучать трагическія нотки:

— Это же море зимой черное, какъ чернила...

Изрѣдка вспыхиваютъ фразы большого томленія и грусти.

Тутъ же онъ, помню, по нѣскольکو часовъ возился съ театральнымъ плотникомъ и училъ его давать сверчка:

— Онъ же такъ кричитъ, — говорилъ онъ демонстрируя звукъ, — потомъ нѣсколько секундъ помолчить и опять «тикъ-тикъ».

Въ опредѣленный часъ на площадку приходилъ господинъ N и начиналъ говорить о литературѣ, совсѣмъ не то, что нужно. И Антонъ Павловичъ сейчасъ же куда-то незамѣтно ступавался.

На слѣдующій день послѣ «Одинокихъ», которые произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе, онъ говорилъ:

— Какая это чудесная пьеса!

Говорилъ, что театръ вообще очень важная вещь въ жизни и что непременно надо писать для театра.

Насколько помню, первый разъ онъ сказалъ это послѣ «Одинокихъ».

Среди этихъ разговоровъ на площадкѣ, говорилъ о «Дядѣ Ванѣ». — Очень хвалилъ всѣхъ участвующихъ въ этой пьесѣ и мнѣ сказалъ только одно замѣчаніе про Астрова въ послѣднемъ дѣйствіи:

— Послушайте, онъ же свиститъ; это дядя Ваня хнычетъ, а онъ же свиститъ.

Я при своемъ тогдашнемъ прямолинейномъ міровоззрѣніи никакъ не могъ съ этимъ примириться — какъ это человѣкъ въ такомъ драматическомъ мѣстѣ можетъ свистѣть.

На спектакль онъ приходилъ всегда задолго до начала. Онъ любилъ прійти на сцену смотрѣть какъ ставятъ декорации. Въ антрактахъ ходилъ по уборнымъ и говорилъ съ актерами о пустякахъ. У него всегда была огромная любовь къ театральнымъ мелочамъ — какъ спускаютъ декорации, какъ освѣщаютъ, и, когда при немъ объ этихъ вещахъ говорили, онъ стоитъ бывало и улыбается.

Когда шла Эдда Габлеръ, онъ часто, зайдя во время антрак-

товъ въ уборныя, засиживался тамъ, когда уже шелъ актъ. Это насъ смущало—значить не нравится, думали мы, если онъ не торопится въ зрительный залъ. И когда мы спросили у него объ этомъ, онъ совершенно неожиданно для насъ сказалъ:

— Послушайте, Ибсенъ же не драматургъ.

«Чайки» Антонъ Павловичъ въ Севастополѣ не смотрѣлъ, — онъ видѣлъ ее раньше, а тутъ погода измѣнилась, пошли вѣтра, бури, ему стало хуже и онъ принужденъ былъ уѣхать.

Спектакль «Чайка» шелъ при ужасныхъ условіяхъ. Вѣтеръ дулъ такъ, что у каждой кулисы стояло по мастеру, который придерживалъ ее, чтобы она не упала въ публику отъ порывовъ вѣтра. Все время слышались съ моря тревожные свистки пароходовъ и крики сирены. Платье на насъ шевелилось отъ вѣтра, который гулялъ по сценѣ. Шелъ дождь.

Тутъ еще былъ такой случай:

Нужно было во что бы то ни стало дать свѣтъ на сценѣ такой, который можно было получить только оставивъ половину городского сада безъ освѣщенія. Разстаться намъ съ этимъ эффектомъ, казалось, не было никакой возможности. У Владимира Ивановича Немировича-Данченко случаются такія рѣшительныя минуты:—онъ распорядился просто на просто потушить половину городского сада.

Спектакли «Чайки» имѣли громадный успѣхъ. Однажды послѣ спектакля собралась публика. И только что одинъ изъ нашихъ актеровъ вышелъ на какую-то лѣсенку съ зонтикомъ въ рукахъ — кто-то подхватилъ его — кажется, это были гимназисты. Однако, осилить его они не могли. Положеніе его было дѣйствительно, плачевное: гимназисты кричали, поднимали одну его ногу, а на другой онъ прыгалъ, такъ какъ его тащили впередъ, зонтикъ куда-то улетѣлъ, дождь лилъ, но объясниться не было возможности, такъ какъ всѣ кричали «ура». А сзади бѣжала жена и беспокоилась, что его искалѣчатъ. Къ счастью они скоро обезсилѣли и выпустили актера, такъ что до подъѣзда гостиницы онъ дошелъ уже на обѣихъ ногахъ; но у самого подъѣзда они захотѣли еще что-то сдѣлать и уложили его окончательно на грязныя ступеньки. Вышелъ швейцаръ, сталъ его обтирать, а запыхавшіеся гимназисты долго еще горячились и обсуждали почему такъ случилось.

Все севастопольское начальство было уже намъ знакомо, и передъ отъѣздомъ въ Ялту намъ съ разныхъ сторонъ по телефону докладывали—«Нордъ-вестъ, нордъ-остъ, будетъ качка, не будетъ»—всѣ моряки говорили, что все будетъ хорошо; качка будетъ гдѣ-то у Ай-Тодора, а тутъ загибъ и мы поѣдемъ по спокойному морю. А вышло такъ, что никакого загиба не было, а тряхнуло насъ такъ, что мы и до сихъ поръ не забудемъ.

Потрепало въ пути основательно. Многіе изъ насъ ѣхали съ женами, съ дѣтьми. Нѣкоторые севастопольцы пріѣхали вмѣстѣ съ нами въ Ялту. Няньки, горничныя, все это перемѣшалось на палубѣ корабля. Въ Ялтѣ—толпа публики на пристани, цвѣты, парадныя платья, на морѣ выюга, вѣтеръ—однимъ словомъ полный хаосъ.

Не успѣли мы пріѣхать въ Ялту, размѣститься по номерамъ умыться, осмотрѣться, какъ я уже встрѣчаю Вишневскаго, бѣгущаго со всѣхъ ногъ, въ полномъ экстазѣ; онъ кричитъ внѣ себя:

— Сейчасъ познакомился съ Горькимъ — такое очарованіе! онъ уже рѣшилъ написать намъ пьесу! Еще не издавши насъ...

На слѣдующее утро, первымъ долгомъ, пошли въ театръ. Тамъ ломали сцену, чистили, мыли, однимъ словомъ работа шла во всю. Среди стружекъ и пыли, по сценѣ разгуливали: Владимиръ Ивановичъ Немировичъ-Данченко, А. М. Горькій съ палкой въ рукахъ, Бунинъ, Миролюбовъ, Маминъ Сибирякъ, Елпатьевскій...

Осмотрѣвъ сцену, вся эта компанія отправилась въ Городской Садъ завтракать. Сразу вся терраса наполнилась нашими актерами, и мы завладѣли всѣмъ садомъ. За отдѣльнымъ столикомъ сидѣлъ Станюковичъ.

Оттуда всѣмъ обществомъ, кто пѣшкомъ, кто человѣкъ по шесть въ экипажѣ, отправились къ Антону Павловичу.

У Антона Павловича былъ вѣчно накрытый столъ, либо для завтрака, либо для чая. Домъ былъ еще не совсѣмъ достроенъ, а вокругъ дома былъ жиденькій садикъ, которой онъ еще только что разсаживалъ.

Видъ у Антона Павловича былъ страшно оживленный, преобразенный, точно онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Онъ напоминалъ, отлично помню это впечатлѣніе, — точно домъ, который

простоялъ всю зиму съ заколоченными ставнями, закрытыми дверями, и вдругъ весной его открыли и всѣ комнаты засвѣтились, стали улыбаться, искриться свѣтомъ.

Антонъ Павловичъ все время двигался съ мѣста на мѣсто, держа руки назадъ и ежеминутно поправляя пенснэ.

То онъ—на террасѣ, заполненной новыми книгами и журналами, то съ несходящей съ лица улыбкой покажется въ саду, или во дворѣ. Изрѣдка онъ скрывался у себя въ кабинетѣ и очевидно тамъ отдыхалъ.

Прѣзжали, уѣзжали. Кончался одинъ завтракъ, подавали другой. Марья Павловна разрывалась на части, а Ольга Леонардовна, какъ вѣрная подруга, или какъ будущая хозяйка дома, съ засученными рукавами дѣятельно помогала по хозяйству.

Въ одномъ углу—литературный споръ; въ саду, какъ школьники, занимались тѣмъ, кто дальше бросить камень, въ третьей кучкѣ И. А. Бунинъ съ необыкновеннымъ талантомъ представляетъ что-то, а тамъ, гдѣ Бунинъ—непремѣнно стоитъ Антонъ Павловичъ и хохочетъ, помираетъ отъ смѣха. Никто такъ не умѣлъ смѣшить Антона Павловича, какъ И. А. Бунинъ, когда онъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи.

Для меня центромъ явился Горькій, который сразу захватилъ меня своимъ обаяніемъ.

Въ его необыкновенной фигурѣ, лицѣ, выговорѣ на о, необыкновенной жестикуляціи, показываніи кулака въ минуты экстаза, въ свѣтлой, дѣтской улыбкѣ, въ какомъ-то временами трагически проникновенномъ лицѣ, въ смѣлой и сильной, красочной, образной рѣчи, сквозила какая то душевная мягкость и грація, и не смотря на его сутуловатую фигуру, въ ней была своеобразная пластика и внѣшняя красота. Я часто ловилъ себя на томъ, что люблюсь его позой или жестомъ.

А влюбленный взглядъ, который онъ часто останавливалъ на Антонѣ Павловичѣ, какое то расплывающееся въ улыбкѣ лицо при малѣйшемъ звукѣ голоса Антона Павловича, добродушный смѣхъ при малѣйшей его остротѣ, какъ-то сближали насъ въ общей симпатіи къ хозяину дома.

Антонъ Павловичъ, всегда любившій говорить о томъ, что его увлекало въ данную минуту, съ наивностью ребенка подхо-

дидъ отъ одного къ другому, повторяя все одну и ту же фразу:— видѣлъ ли тотъ или другой изъ его гостей нашъ театръ.

— Это же чудесное же дѣло! Вы непременно должны написать пьесу для этого театра!

И безъ устали говорили о томъ, какая прекрасная пьеса: «Одинокіе».

Горькій съ разсказами о своей скитальческой жизни, Маминъ-Сибирякъ съ необыкновенно смѣлымъ юморомъ, доходившимъ временами до буффонады, Бунинъ съ изящной шуткой, Антонъ Павловичъ со своими неожиданными репликами, Москвинъ съ мѣтками остротами, все это создавало одну атмосферу, соединяло всѣхъ въ одну семью художниковъ. У всѣхъ рождалась мысль, что всѣ должны собираться въ Ялтѣ; говорили даже объ устройствѣ квартиръ для этого. Словомъ—весна, море, веселье, молодость, поэзія, искусство,—вотъ атмосфера, въ которой мы въ то время находились.

Такіе дни и вечера повторялись чуть ли не ежедневно въ домѣ Антона Павловича.

У кассы театра толпилась разношерстная публика изъ расфранченныхъ дамъ и кавалеровъ обѣихъ столицъ, учителей и служащихъ изъ разныхъ провинціальныхъ городовъ Россіи, мѣстныхъ писателей и больныхъ чахоткой, во время своей тоскливой зимы не забывшихъ еще о существованіи искусства.

Прошло первое представленіе съ подношеніями, подарками и т. д. Несмотря на то, что въ трагическихъ мѣстахъ оркестръ городского сада громко аккомпанировалъ намъ полькой или маршемъ—успѣхъ былъ большой.

Въ Городскомъ Саду, около террасы, шли горячіе споры о новомъ направленіи въ искусствѣ, о новой литературѣ. Одни, даже изъ выдающихся писателей, не понимали самыхъ элементарныхъ вещей реального искусства, другіе уходили совершенно въ обратную сторону и мечтали увидѣть на сценѣ то, что недоступно подмосткамъ ея. Во всякомъ случаѣ, спектакли вызывали споры чуть не до драки. Всѣ здѣсь присутствовавшіе литераторы словно вдругъ вспоминали о существованіи театра и кто тайно, кто явно мечтали о пьесѣ.

То, что отравляло Антошу Павловичу спектакли,—это необходимость выходить на вызовы публики и принимать чуть ли не ежедневно овалы.

Нервѣдко поэтому онъ вдругъ неожиданно исчезалъ изъ театра, и тогда приходилось выходить и объявлять, что автора въ театрѣ нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ онъ приходилъ просто за кулисы и, переходя изъ уборной въ уборную, жуировалъ закулисной жизнью, ея волненіями и возбужденіями, удачами и неудачами и нервною, которая заставляла острѣе ощущать жизнь.

По утрамъ всѣ собирались на набережную; я прилипаю къ А. М. Горькому, и во время прогулки онъ фантазировалъ о разныхъ сюжетахъ для будущей пьесы. Эти разговоры поминутно прерывались выходками его необыкновенно темпераментнаго мальчика Максимки, который продѣлывалъ невѣроятныя штуки.

По вечерамъ собирались иногда въ отдѣльномъ кабинетѣ гостиницы «Россія»,—кто-то что-то игралъ на рояли, кто-то пѣлъ; все это было по дилетантски наивно, но не смотря на это звуки музыки моментально вызывали у Горькаго потоки слезъ.

Однажды какъ-то Горькій увлекся и рассказалъ сюжетъ своей предполагаемой пьесы.

Ночлежный домъ, духота, нары, длинная скучная зима. Люди отъ ужаса озвѣрѣли, потеряли надежду и, истощивъ терпѣніе, изводятъ другъ друга и философствуютъ. Каждый старается передъ другими показать, что онъ еще человѣкъ. Какой-то бывший офиціантъ особенно кичится своей грошевой бумажной манишкой—это единственный остатокъ отъ его прежней фракционной жизни. Кто-то изъ обитателей дома, чтобы насолить офиціанту, стащилъ эту бумажную грудъ и разорвалъ ее пополамъ.

Бывшій офиціантъ находитъ эту разорванную манишку, изъ-за этого поднимается цѣлый ужасъ, свалка. Онъ въ полномъ отчаяніи, такъ какъ вмѣстѣ съ манишкой порваны всякіе узы съ прежней жизнью. Ругательства и споры затянулись до глубокой ночи, но были остановлены неожиданнымъ извѣстіемъ о приближеніи полицейскаго обхода. Торопливые приготовленія къ встрѣчѣ полиціи, каждый мечется и прячетъ то, что ему дорого или компрометируетъ его. Всѣ разлеглись по нарамъ и притворились спящими. Пришла полиція. Кое-кого, безъ званія,

увели въ участокъ и нары засыпають; и только одинъ богомольный старикъ сползаетъ въ тишинѣ съ печи, вынимаетъ изъ своей сумки восковой огарокъ, зажигаетъ его и начинаетъ усердно молиться. Откуда то съ наръ просовывается голова татарина и говорить:

— «Помолись за меня!»

На этомъ первый актъ оканчивался. Слѣдующіе акты были едва намѣчены, такъ что разобраться въ нихъ было трудно. Въ послѣднемъ актѣ: весна, солнце, обитатели ночлежного дома роютъ землю. Истомленные люди вышли на праздникъ природы и точно ожили. Даже какъ будто, подъ вліяніемъ природы, полюбили другъ друга. Такъ у меня осталось въ памяти то, что говорилъ мнѣ о своей пьесѣ А. М. Горькій.

Театръ кончилъ всю серію своихъ постановокъ и закончилъ свое пребываніе чудеснымъ завтракомъ на громадной плоской крышѣ у Фанни Карловны Татариновой. Помню жаркій день, какой то праздничный навѣсъ, сверкающее вдали море. Здѣсь была вся труппа, вся съѣхавшаяся такъ сказать литература съ Чеховымъ и Горькимъ во главѣ, съ женами и дѣтьми.

Помню восторженные, разгоряченные южнымъ солнцемъ рѣчи, полныя надеждъ и надеждъ безъ конца.

Этимъ чудеснымъ праздникомъ подъ открытымъ небомъ закончилось наше пребываніе въ Ялтѣ.

Въ слѣдующемъ году у насъ шли: «Снѣгурочка», «Докторъ Штокманъ», «Три Сестры», «Когда мы мертвые пробуждаемся».

Съ самаго начала сезона Антонъ Павловичъ часто присылалъ письма, то къ тому, то къ другому. У всѣхъ онъ просилъ свѣдѣній о жизни театра. Эти нѣсколько строчекъ Антона Павловича, это его постоянное вниманіе, незамѣтно для насъ оказывали на театръ большое вліяніе, которое мы можемъ оцѣнить только теперь, послѣ его смерти.

Онъ интересовался всѣми деталями и особенно, конечно, репертуаромъ театра.

А мы все время подзуживали его на то, чтобы онъ писалъ пьесу. Изъ его писемъ мы знали, что онъ пишетъ изъ военного быта, знали, что какой то полкъ, откуда то, куда то уходитъ.

Но догадаться по короткимъ отрывочнымъ фразамъ, въ чемъ заключался сюжетъ пьесы, мы не могли. Въ письмахъ, какъ и въ своихъ писаніяхъ онъ былъ скупъ на слова. Эти отрывочныя фразы, эти клочки его творческихъ мыслей мы оцѣнили только въ послѣдствіи, когда уже узнали самую пьесу.

Ему или не писалось, или напротивъ, пьеса была давно уже написана и онъ не рѣшался разстаться съ ней и заставлялъ ее вылеживаться въ своемъ столѣ, но онъ всячески оттягивалъ съ присылкой этой пьесы. Въ видѣ отговорки онъ увѣрялъ насъ, что на свѣтѣ столько прекрасныхъ пьесъ, что:

— «Надо же ставить Гауптмана,—надо, чтобы Гауптманъ написалъ еще»,—а что онъ не драматургъ и т. д.

Всѣ эти отговорки приводили насъ въ отчаяніе, и мы писали умоляющія письма, чтобы онъ поскорѣе присылалъ пьесу, что надо спасать театръ и т. п.

Мы сами не понимали тогда, что насилуемъ творчество большого художника.

Наконецъ пришли одинъ, или два акта пьесы, написанныхъ знакомымъ мелкимъ почеркомъ. Мы ихъ съ жадностью прочли, но какъ всегда бываетъ со всякимъ настоящимъ сценическимъ произведеніемъ, главныя его красоты были скрыты при чтеніи. Съ двумя актами въ рукахъ невозможно было приступить ни къ выработкѣ макетовъ, ни къ распредѣленію ролей, ни къ какой бы то не было сценической, подготовительной работѣ. И съ тѣмъ большей энергіей мы стали добиваться остальныхъ двухъ актовъ пьесы. Получили мы ихъ не безъ борьбы.

Наконецъ Антонъ Павловичъ не только согласился прислать пьесу, но привезъ ее самъ.

Самъ онъ своихъ пьесъ никогда не читалъ. И не безъ конфуза и волненія онъ присутствовалъ при чтеніи пьесы труппѣ. Когда стали читать пьесу и за разъясненіями обращались къ Антону Павловичу, онъ страшно сконфуженный отпѣкивался, говоря:

— Послушайте, я же тамъ написалъ все, что зналъ.

И дѣйствительно, онъ никогда не умѣлъ критиковать своихъ пьесъ и съ большимъ интересомъ и даже удивленіемъ слушалъ мнѣнія другихъ. Что его больше всего поражало и съ чѣмъ онъ до самой смерти примириться не могъ, это съ тѣмъ, что его

«Три сестры», — а впоследствии «Вишневый садъ» — что это тяжелая драма русской жизни. Онъ былъ искренне убѣжденъ, что это была веселая комедія, почти водевиль *). Я не помню, чтобы онъ съ такимъ жаромъ отстаивалъ какое нибудь другое свое мнѣніе, какъ это, въ томъ засѣданіи, гдѣ онъ впервые услышалъ такой отзывъ о своей пьесѣ.

Конечно, мы воспользовались присутствіемъ автора, чтобы извлечь всѣ необходимыя намъ подробности, но и тутъ онъ отвѣчалъ намъ односложно.

Намъ въ то время его отвѣты казались неясными и непонятными, и только потомъ мы оцѣнили всю ихъ необыкновенную образность и почувствовали какъ они типичны для него и для его произведеній.

Когда начались подготовительныя работы, Антонъ Павловичъ сталъ настаивать, чтобы мы непременно пригласили одного его знакомаго генерала. Ему хотѣлось, чтобы военно-бытовая сторона была до мельчайшихъ подробностей правдива. Самъ же Антонъ Павловичъ, точно посторонній человѣкъ, совершенно непричастный къ дѣлу, со стороны наблюдалъ за нашей работой.

Онъ не могъ намъ помочь въ нашей работѣ, въ нашихъ поискахъ внутренности Прозоровскаго дома. Чувствовалось, что онъ этотъ домъ знаетъ подробно, видѣлъ его, — но совершенно не замѣтилъ, какія тамъ комнаты, мебель, предметы его наполняющіе, словомъ онъ чувствовалъ только атмосферу каждой комнаты въ отдѣльности, но не ея стѣны.

Такъ воспринимаетъ литераторъ окружающую жизнь.

Но этого слишкомъ мало для режиссера, который долженъ опредѣленно вычертить и заказать всѣ эти подробности.

Теперь понятно, почему Антонъ Павловичъ, такъ добродушно смѣялся и улыбался отъ радости, когда задачи декоратора и режиссера совпадали съ его замысломъ. Онъ долго разсматривалъ макетъ декораціи и, вглядываясь во всѣ его подробности, добродушно хохоталъ.

Нужна привычка, для того, чтобы по макету судить о томъ,

*) Смори письмо Антона Павловича Чехова къ М. П. Лилиной (Алексѣевой) отъ 15-го Сентября 1903 г.

что будетъ, чтобы по макету понять сцену. Эта чисто театральная, сценическая чуткость была ему свойственна, такъ какъ Антонъ Павловичъ по природѣ своей былъ театральнымъ человекомъ. Онъ любилъ, понималъ и чувствовалъ театръ,—конечно съ лучшей его стороны. Онъ очень любилъ повторять тѣ же рассказы о томъ, какъ онъ въ молодости игралъ въ разныхъ пьесахъ, разные курьезы изъ этихъ любительскихъ пробъ. Онъ любилъ тревожное настроеніе репетицій и спектакля, любилъ работу мастеровъ на сценѣ, любилъ прислушиваться къ мелочамъ сценической жизни и техники театра, но особенное пристрастіе онъ питалъ къ правдивому звуку на сценѣ.

Среди всѣхъ его волненій объ участи пьесы, онъ не мало беспокоился о томъ, какъ будетъ переданъ набатъ въ третьемъ актѣ во время пожара за сценой. Ему хотѣлось образно представить намъ звукъ дребезжащаго провинціального колокола. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ подходилъ къ кому нибудь изъ насъ и руками, ритмомъ, жестами старался внушить настроеніе этого, надрывающаго душу, провинціального набата.

Онъ бывалъ почти на всѣхъ репетиціяхъ своей пьесы, но очень рѣдко, осторожно и почти трусливо выражалъ свои мнѣнія. Лишь одно отстаивалъ онъ особенно энергично. Какъ и въ «Дядѣ Ванѣ», такъ и здѣсь онъ боялся, чтобы не утрировали и не каррикатурили провинціальной жизни, чтобы изъ военныхъ не дѣлали обычныхъ театральныхъ шаркуновъ съ дребезжащими шпорами, а играли бы простыхъ, милыхъ и хорошихъ людей, одѣтыхъ въ поношенные, а не театральные мундиры, безо всякихъ театрално-военныхъ выправокъ, поднятій плечъ, грубостей и т. д.

— Этого-же нѣтъ—убѣждалъ онъ горячо,—военные же измѣнились, они же стали культурнѣе, многіе же изъ нихъ уже начинаютъ понимать, что въ мирное время они должны приносить съ собой культуру въ отдаленные медвѣжьи углы.

На этомъ онъ настаивалъ тѣмъ болѣе, что тогдашнее военное общество, узнавъ, что пьеса написана изъ ихъ быта, не безъ волненія ожидало ея появленія на сценѣ.

Репетиціи шли при участіи рекомендованнаго Антономъ Павловичемъ генерала, который за время репетицій такъ сжился съ театромъ и судьбой репетируемой пьесы, что часто забывалъ

о своей прямой миссии и гораздо больше волновался о томъ, что у того или иного актера не выходить роль или какое нибудь отдѣльное ея мѣсто.

Антонъ Павловичъ посмотрѣлъ весь репертуаръ театра, дѣлая свои односложныя замѣчанія, которыя всегда заставляли задумываться надъ ихъ неожиданностью и никогда не понимались сразу. И лишь по прошествіи извѣстнаго времени удавалось сжиться съ этими замѣчаніями. Какъ на примѣръ такого рода замѣчаній, могу указать на упомянутое мною выше замѣчаніе его о томъ, что въ послѣднемъ актѣ «Дяди Вани» Астровъ въ трагическую минуту свистить.

Антону Павловичу не удалось дожидаться генеральной репетиціи «Трехъ сестеръ», такъ какъ ухудшившееся здоровье погнало его на югъ, и онъ уѣхалъ въ Ниццу.

Оттуда мы получали записочки:—въ сценѣ такой-то, послѣ словъ такихъ-то, добавить такую-то фразу. Напримѣръ:

— «Бальзакъ вѣнчался въ Бердичевѣ» — было прислано оттуда.

Другой разъ вдругъ пришлетъ маленькую сценку. И эти бриллиантики, которые онъ присылалъ, просмотрѣнные на репетиціяхъ, необыкновенно оживляли дѣйствіе и подталкивали актеровъ къ искренности переживанія. Было и такое его распоряженіе изъ-за границы. Въ четвертомъ актѣ «Трехъ сестеръ» опустившійся Андрей, разговаривая съ Отрапонтонъ, такъ какъ никто съ нимъ больше не желалъ разговаривать, описываетъ ему, что такое жена съ точки зрѣнія провинціальнаго, опустившагося человѣка. Это былъ великолѣпный монологъ страницы въ двѣ. Вдругъ мы получаемъ записочку, въ которой говорится, что весь этотъ монологъ надо вычеркнуть и замѣнить его всего лишь тремя словами:

— Жена есть жена!

Въ этой короткой фразѣ, если вдуматься въ нее глубже, заключается все, что было сказано въ длинномъ въ двѣ страницы монологѣ. Это очень характерно для Антона Павловича, творчество котораго всегда было кратко и содержательно. За каждымъ его словомъ тянулась цѣлая гамма разностороннихъ настроеній и мыслей, объ которыхъ онъ умалчивалъ, но которыя сами собой рождались въ головѣ.

Вотъ почему у меня не было ни одного спектакля, не смотря на то, что пьеса игралась сотни разъ, чтобы я не дѣлалъ новыхъ открытій въ давно знакомомъ текстѣ и въ не разъ пережитыхъ чувствахъ роли. Глубина Чеховскихъ произведеній для актера неисчерпаема.

Какъ волновалъ Антона Павловича первый спектакль «Трехъ сестеръ» можно судить по тому хотя бы, что за день до спектакля онъ уѣхалъ изъ того города, гдѣ намъ былъ извѣстенъ его адресъ,—неизвѣстно куда, чтобы такимъ образомъ не получать никакихъ извѣстій о томъ, какъ прошелъ спектакль.

Успѣхъ пьесы былъ довольно неопредѣленный.

Послѣ перваго акта были трескучіе вызовы, актеры выходили къ публикѣ что то около двѣнадцати разъ. Послѣ втораго акта вышли одинъ разъ. Послѣ третьяго—трусливо аплодировало нѣсколько человекъ, и актеры выйти не могли, а послѣ четвертаго—жидко вызывали одинъ разъ.

Пришлось допустить большую натяжку, чтобы телеграфировать Антону Павловичу, что пьеса имѣла «большой успѣхъ».

И только черезъ три года послѣ первой постановки публика постепенно оцѣнила всѣ красоты этого изумительнаго произведенія и стала смѣяться и затихать тамъ, гдѣ этого хотѣлъ авторъ. Каждый актъ уже сопровождался триумфомъ.

Пресса также долго не понимала этой пьесы. И, какъ это ни странно, но одни изъ лучшихъ рецензій мы прочли въ Берлинѣ, когда ѣздили туда давать тамъ свои спектакли.

Въ Москвѣ, въ годъ ея постановки, пьеса прошла всего нѣсколько разъ и затѣмъ была перевезена въ Петербургъ. Туда же ожидали и Антона Павловича, но плохая погода и его здоровье помѣшали этому.

Вернувшись въ Москву, театръ возобновилъ подготовительныя работы для будущаго сезона. Приѣхалъ Антонъ Павловичъ. Въ труппѣ въ это время стали поговаривать о возможной свадьбѣ Чехова и Книпперъ. Правда ихъ часто встрѣчали вмѣстѣ.

На слѣдующій годъ Антонъ Павловичъ располагалъ прожить осень въ Москвѣ и лишь на самые холодные мѣсяцы уѣхать въ Ялту. Осенью онъ дѣйствительно приѣхалъ и жилъ здѣсь.

Этотъ періодъ какъ-то плохо сохранился у меня въ памяти. Буду вспоминать обрывками.

Помню, напримѣръ, Антонъ Павловичъ смотрѣлъ репетиціи «Дикой утки» и видно было—скучалъ. Онъ не любилъ Ибсена. Иногда онъ говорилъ:

— Послушайте-же —Ибсенъ не знаетъ жизни. Въ жизни такъ не бываетъ.

Въ этой пьесѣ Антонъ Павловичъ не могъ смотрѣть безъ улыбки на А. Р. Артема, и все говорилъ:

— Я же напишу для него пьесу. Онъ же непремѣнно долженъ сидѣть на берегу рѣки и удить рыбу.

тутъ же добавилъ:

— А Вишневскій будетъ въ купальнѣ, рядомъ, мыться, плескаться и громко разговаривать... *)

И самъ покатывался отъ такого сочетанія.

Какъ-то на одной изъ репетицій, когда мы стали приставать къ Антону Павловичу, чтобы онъ написалъ еще пьесу, онъ сталъ дѣлать кое-какіе намеки на сюжетъ будущей пьесы.

Ему чудилось раскрытое окно съ вѣткой бѣлыхъ цвѣтушихъ вишенъ, влѣзающихъ изъ сада въ комнату. Артемъ уже сдѣлался лакеемъ, а потомъ ни съ того, ни съ сего—управляющимъ. Его хозяйинъ, а иногда ему казалось, что это будетъ хозяйка, всегда безъ денегъ, и въ критическія минуты она обращается за помощью къ своему лакею или управляющему, у котораго имѣются скопленныя откуда то довольно большія деньги. Потомъ появилась компанія игроковъ на билліардѣ. Одинъ изъ нихъ, самый ярый любитель,—безрукій, очень веселый и бодрый, всегда громко кричащій. Въ этой роли ему сталъ мерещиться А. Л. Вишневскій. Потомъ появилась боскетная комната, потомъ она опять замѣнилась билліардной. Но всѣ эти щелки, черезъ которыя онъ открывалъ намъ будущую пьесу, все же не давали намъ рѣшительно никакого представленія о ней. И мы съ тѣмъ большей энергіей торопили его писать пьесу.

*) А. Л. Вишневскій жилъ въ это время въ домѣ Сандуновскихъ банъ и каждый день ходилъ купаться; это то и натолкнуло Антона Павловича на такую шутку.

Насколько Антону Павловичу не нравился Ибсенъ, настолько онъ любилъ Гауптмана. Въ то время шли репетиціи «Микаэля Краммера», и Антонъ Павловичъ усиленно слѣдилъ за ними.

У меня осталась въ памяти очень характерная черта его непосредственного и наивнаго воспріятія впечатлѣній.

На генеральной репетиціи второго акта «Микаэля Краммера», я, стоя на сценѣ, слышалъ иногда его смѣшокъ. Но, такъ какъ дѣйствіе происходившее на сценѣ не подходило къ такому настроенію зрителя, а мнѣніемъ Антона Павловича я, конечно, очень дорожилъ,—то этотъ смѣшокъ несказанно меня смущалъ. Кромѣ того, среди дѣйствія Антонъ Павловичъ нѣсколько разъ вставалъ и быстро ходилъ по среднему проходу, все продолжая по смѣиваться. Это еще болѣе смущало играющихъ.

По окончаніи акта я пошелъ въ публику, чтобы узнать причину такого отношенія Антона Павловича и увидѣлъ его сіяющаго, возбужденно бѣгающаго по среднему проходу.

Я спросилъ о впечатлѣніи. Ему очень понравилось.

— Какъ это хорошо!—сказалъ онъ—чудесно же знаете, чудесно!

Оказалось, что смѣялся онъ отъ удовольствія. Такъ смѣяться умѣютъ только самые непосредственные зрители.

Я вспомнилъ крестьянъ, которые могутъ засмѣяться въ самомъ неподходящемъ мѣстѣ пьесы отъ ощущенія художественной правды.

— «Какъ это похоже!»—говорятъ они въ такихъ случаяхъ.

Въ этомъ же сезонѣ онъ смотрѣлъ «Три сестры» и остался очень доволенъ спектаклемъ. Но по его мнѣнію звонъ набата въ третьемъ актѣ намъ не удался. Онъ рѣшилъ самъ наладить этотъ звукъ. Очевидно ему захотѣлось самому повозиться съ рабочими порежиссировать, поработать за кулисами.

Ему, конечно, дали рабочихъ.

Въ день репетиціи онъ подѣхалъ къ театру съ извозчикомъ нагруженнымъ разными кастрюлями, тазами, жестянками. Самъ разставилъ рабочихъ съ этими инструментами, волновался, рассказывалъ какъ кому бить, въ какую жестянку и, объясняя, конфузился. Бѣгалъ нѣсколько разъ изъ зала на сцену и обратно, но что-то ничего не выходило.

Наступилъ спектакль и Чеховъ съ волненіемъ сталъ ждать

своего звона. Звонъ получился невѣроятный: это была какая то кокофонія,—колотили кто по чемъ попало и невозможно было слушать пьесу.

Рядомъ съ директорской ложей, гдѣ сидѣлъ Антонъ Павловичъ стали бранить сначала звонъ, а потомъ и пьесу, и автора. Антонъ Павловичъ, слушая эти разговоры, пересаживался все глубже и глубже и наконецъ совсѣмъ ушелъ изъ ложи и скромно сѣлъ у меня въ уборной.

— Что же это вы, Антонъ Павловичъ, не смотрите пьесу—спросилъ я.

— Да послушайте-же, тамъ же ругаются... Непріятно же...

И такъ весь вечеръ и просидѣлъ у меня въ уборной.

Антонъ Павловичъ любилъ придти до начала спектакля, сѣсть противъ гримирующагося и наблюдать, какъ мѣняется лицо отъ грима. Смотрѣлъ онъ молча, очень сосредоточенно. А когда какая нибудь проведенная черта измѣнить лицо въ томъ направленіи, которое нужно для данной роли, онъ вдругъ обрадуется и захохочетъ своимъ густымъ баритономъ. И потомъ опять замолчитъ и внимательно смотреть.

Антонъ Павловичъ былъ великолѣпный фizioномистъ.

Однажды ко мнѣ въ уборную зашелъ одинъ близкій мнѣ человѣкъ, очень жизнерадостный, веселый, считавшійся въ обществѣ немножко безпутнымъ.

Антонъ Павловичъ все время очень пристально смотрѣлъ на него и сидѣлъ съ серьезнымъ лицомъ молча, не вмѣшиваясь въ нашу бесѣду.

Когда господинъ ушелъ, Антонъ Павловичъ въ теченіи вечера неоднократно подходилъ ко мнѣ и задавалъ всевозможные вопросы по поводу этого господина. Когда я сталъ спрашивать о причинѣ такого вниманія къ нему, Антонъ Павловичъ мнѣ сказалъ.

— Послушайте,—онъ-же самоубійца.

Такое опредѣленіе или предсказаніе, показалось мнѣ очень смѣшнымъ. Я съ изумленіемъ вспомнилъ объ этомъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда узналъ, что человѣкъ этотъ дѣйствительно отравился.

Бывало и такъ: придешь къ Антону Павловичу, сидишь, разговариваешь. Онъ на своемъ мягкомъ диванѣ сидитъ, покашли-

васть и изрѣдка вскидываетъ голову, чтобы черезъ пенснэ посмотрѣть на мое лицо. Самъ себѣ кажешься очень веселымъ. Придя къ Антону Павловичу я забывалъ всѣ непріятности, какія бывали у меня до прихода къ нему. Но вдругъ онъ, воспользовавшись минутой, когда мы оставались одни спросить:

— Послушайте! У васъ же сегодня странное лицо. Что нибудь случилось съ вами?

Антонъ Павловичъ очень обижался, когда его называли пессимистомъ, а его героев неврастениками. Когда ему попадалась на глаза статья кого-либо изъ критиковъ, которые тогда съ такой желчью придирались къ нему, то онъ тыкая пальцемъ въ газету говорилъ:

— Скажите же ему, что ему (критику) нужно водолѣченіе... Онъ же тоже неврастеникъ, мы же всѣ неврастеники.

Потомъ бывало зашагаетъ по комнатѣ и, покашливая, съ улыбкой, но со слѣдами горькаго чувства повторить нѣсколько разъ, выдѣляя букву «и»:

— «Пессимистъ!»

Антонъ Павловичъ былъ самымъ большимъ оптимистомъ какого мнѣ только приходилось видѣть. Онъ бодро, всегда оживленно, съ нѣрой рисовалъ красивое будущее нашей русской жизни. А къ настоящему относился только безъ джи и не боялся правды, и тѣ самые люди, которые называли его пессимистомъ, сами первые или раскисали или громили настоящее, особенно восьмидесятые и девяностые года, въ которые пришлось жить Антону Павловичу. Если прибавить при этомъ его тяжелый недугъ, который причинялъ ему столько страданій, его одиночество въ Ялтѣ и, не смотря на это, его всегда жизнерадостное лицо, всегда полное интереса ко всему, что его окружало,—то врядъ ли въ этихъ данныхъ можно найти черты для портрета пессимиста.

Весною этого же 1903 года, театръ поѣхалъ въ Петербургъ на гастроли. Антонъ Павловичъ, бывшій къ тому времени уже въ Ялтѣ, очень хотѣлъ поѣхать вмѣстѣ съ нами, но доктора

не выпустили его изъ Ялты. Мы играли тогда въ Панаевскомъ театрѣ и, помню, очень боялись, что намъ не разрѣшатъ сыграть «Мѣщанъ» Горькаго.

Для цензуры былъ назначенъ до открытія сезона особенный спектакль «Мѣщанъ». На этомъ спектаклѣ присутствовали Великіе Князья, министры, разные чиновники изъ цензуры и т. д. Они должны были рѣшить можно играть эту пьесу или нельзя.

Пьесу въ концѣ концовъ разрѣшили.

По окончаніи репетиціи всѣ заинтересовались артистомъ Б., игравшимъ роль Тетерева. Б. поступилъ къ намъ изъ пѣвчихъ, что то на очень маленькое жалованіе, чтобы только не служить въ хорѣ. Онъ обладалъ колоссальной фигурой и архіерейскимъ басомъ. Нѣсколько лѣтъ онъ пробылъ незамѣченнымъ и, получивъ роль Тетерева, которая очень подошла къ его даннымъ, сразу прославился.

Помню А. М. Горькій очень носился въ то время съ Б., а Антонъ Павловичъ все твердилъ:

— «Послушайте-же, онъ-же не для вашего театра».

И вотъ Б. послѣ репетиціи привели въ зрительный залъ. Свѣтскія дамы восторгались самородкомъ; находили его и красивымъ, и умнымъ, и обаятельнымъ. А самородокъ сразу почувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ, сталъ страшно важенъ и для большаго шика заявлялъ кому нибудь изъ высшаго свѣта своимъ трескучимъ басомъ:

— «Ахъ, извините, я васъ не узналъ».

Состоялся первый спектакль. Подъ сценой была спрятана дюжина вооруженныхъ городовыхъ. Масса мѣстъ въ залѣ было занято тайной полиціей; словомъ театръ былъ на военномъ положеніи. Къ счастью ничего особеннаго не произошло. Спектакль прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

На слѣдующій день, когда вышли хвалебныя рецензіи, Б. явился въ театръ въ цилиндрѣ. Бывшій въ это время въ конторѣ цензоръ просилъ познакомить его съ Б.

Послѣ обычныхъ при знакомствѣ привѣтствій—легкая пауза, и затѣмъ Б. вдругъ начинаетъ сѣтовать, что въ Петербургѣ такъ мало газетъ.

— Какъ хорошо жить въ Парижѣ или въ Лондонѣ,—тамъ говорятъ выходить до шестидесяти газетъ въ день...

И такимъ образомъ наивно проговорился, какъ ему пріятно было читать хвалебныя рецензіи...

На второмъ спектаклѣ захворала О. Л. Книпперъ.

Болѣзнь оказалась очень опасной, больную на носилкахъ, въ каретѣ скорой помощи отправили въ больницу.

Посыпались телеграммы изъ Ялты въ Петербургъ и обратно. Приходилось на половину обманывать больного Антона Павловича. Видно было, что онъ очень тревожился и въ этихъ его безпокойныхъ, заботливыхъ телеграммахъ ясно сказывалась его необыкновенно мягкая, нѣжная душа. И все-же, несмотря на все его стремленіе въ Петербургъ, изъ Ялты его не выпустили.

Гастроли кончились, а Книпперъ уѣхать было нельзя. Труппа разъѣхалась. Черезъ недѣлю или двѣ и Книпперъ повезли въ Ялту. Тамъ она опять расхворалась и слегла. Столовая въ домѣ Антона Павловича была превращена въ спальню для больной и Антонъ Павловичъ, какъ самая нѣжная сидѣлка ухаживалъ за ней.

По вечерамъ онъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и перечитывалъ свои мелкіе рассказы, которые онъ собиралъ въ сборники. Нѣкоторые изъ рассказовъ онъ совсѣмъ забылъ и, перечитывая, самъ хохоталъ во все горло, находя ихъ остроумными и смѣшными.

Когда я приставалъ къ нему съ напоминаніемъ о новой пьесѣ, онъ говорилъ:

— А вотъ же, вотъ...—и при этомъ вынималъ маленькій клочекъ бумаги, исписанный мелкимъ, мелкимъ почеркомъ.

Большимъ утѣшеніемъ въ это печальное время былъ Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Среди всѣхъ этихъ тревогъ и волненій Антона Павловича все таки не покидала мысль оставить Ялту и переѣхать въ Москву. Длинные вечера проходили въ томъ, что нужно было подробно, въ лицахъ, рассказывать всю жизнь театра. Онъ такъ интересовался жизнью въ Москвѣ, что спрашивалъ даже о томъ, что гдѣ строится. И надо было рассказывать ему, гдѣ, на какомъ углу строится домъ, въ какомъ стилѣ, кто его строитъ, сколько этажей и т. д. При этомъ онъ улыбался и иногда заключалъ:

— Послушайте, — это-же прекрасно!—Такъ его радовала всякая культура и благоустроенность.

Въ Москву Антонъ Павловичъ съ женой прѣхалъ какъ разъ въ то время, когда у насъ шли весенніе школьные экзамены. Экзамены эти происходили въ отдѣльномъ зданіи, выстроенномъ С. Т. Морозовымъ спеціально для нашихъ репетицій на Божьдомкѣ. Тамъ была сцена величиною почти съ нашу и маленькая комната для смотрящихъ.

Сюда въ день прѣзда и поспѣшили придти Антонъ Павловичъ съ женой. А на слѣдующій день Ольга Леонардовна захворала опять и очень серьезно. Она была при смерти и думали даже—безнадежна. Антонъ Павловичъ не отходилъ отъ больной ни днемъ, ни ночью, самъ дѣлалъ ей припарки и т. д. А мы, поочередно, по установленной очереди, дежурили у него, не ради больной, которая и безъ того была хорошо обставлена, и къ которой насъ не пускали доктора, а больше ради самаго Антона Павловича, чтобы поддержать его бодрость.

Въ одинъ изъ такихъ трудныхъ дней, когда положеніе больной было особенно опасно, собрались всѣ близкіе и обсуждали, кого изъ знаменитыхъ врачей пригласить.

Пока въ домѣ происходилъ этотъ разговоръ, извѣстный дѣятель печати Г-ий, я и одинъ изъ нашихъ актеровъ стояли на улицѣ и курили, такъ какъ этого мы никогда не позволяли себѣ дѣлать въ квартирѣ Антона Павловича. У дома напротивъ, возлѣ пивной, стояла карета отъ Иверской. Шелъ разговоръ о томъ, что молодая жизнь можетъ кончиться. Этотъ разговоръ такъ взволновалъ Г-скаго, что онъ заплакалъ. Чтобы успокоиться, онъ сталъ видимо придумывать, чтобы ему такое выкинуть. И вдругъ безъ шляпы онъ перебѣгаетъ улицу, садится въ карету, даетъ кучеру три рубля и проситъ провести себя въ каретѣ по бульвару. Опѣшившій кучеръ тронулъ лошадей. Колымага, тяжело подрагивая на ходу, покатила по бульвару, а оттуда намъ привѣтливо помахивалъ ручкой Г-скій.

Антонъ Павловичъ страшно хохоталъ, когда ему рассказывали объ этомъ.

Это былъ тотъ самый Г-скій, одну изъ шутокъ котораго Антонъ Павловичъ очень любилъ рассказывать.

Однажды, въ смутное время, когда бросали бомбы и вся полиція была на сторожѣ, по Тверской ѣхали Антонъ Павловичъ и Г-скій. Г-скій держалъ въ рукахъ завернутую въ бумагу

тыкву съ огурцами. Проѣзжая мимо городского, Г-скій останавливаетъ извозчика, подзываетъ городского и съ серьезнымъ дѣловымъ лицомъ передаетъ ему въ руки завернутую тыкву. Городовой принялъ въ руки тыкву. Когда извозчикъ тронулъ дальше Г-скій, какъ бы въ видѣ предупрежденія, крикнулъ городскому:

— Бомба!

И шутники унеслись на лихачѣ дальше по Тверской. А опѣшившій городской, боясь двинуться съ мѣста, стоялъ по срединѣ улицы бережно держа въ рукахъ завернутую тыкву.

— Я же все оглядывался — говорилъ Антонъ Павловичъ — мнѣ хотѣлось увидѣть, что онъ будетъ дѣлать дальше, да такъ и не увидѣлъ».

Наступили лѣтніе каникулы, всѣ разъѣхались, а больной все еще не было лучше, — она все еще была въ опасномъ положеніи.

До того времени не смотря на долгое знакомство съ Антономъ Павловичемъ, я не чувствовалъ себя съ нимъ просто. Я всегда помнилъ, что передо мной знаменитость и старался казаться умнѣе, чѣмъ я есть. Эта неестественность, вѣроятно стѣсняла Антона Павловича. Онъ любилъ только простыя отношенія. Моя жена, которой сразу удалось установить съ нимъ эти простыя отношенія, всегда чувствовала себя съ нимъ свободнѣе меня. Нѣтъ возможности описать о чемъ они вдвоемъ разговаривали, и какъ эта легкая непринужденная болтовня веселила и забавляла по природѣ естественнаго и простого Антона Павловича.

И только въ эти долгіе дни, которые я просиживалъ вмѣстѣ съ Антономъ Павловичемъ въ комнатѣ рядомъ съ больной, мнѣ впервые удалось найти эту простоту въ нашихъ отношеніяхъ. Это время сблизило насъ настолько, что Антонъ Павловичъ сталъ иногда обращаться ко мнѣ съ просьбами интимнаго характера, на которыя онъ былъ такъ щелетиленъ. Такъ, напри-мѣръ, узнавши, что я умѣю вспрыскивать мышьякъ, а я какъ то похвастался при немъ своей ловкостью въ этой операціи, онъ попросилъ меня сдѣлать ему вспрыскиваніе.

Наблюдая за моими приготовленіями, онъ добродушно улыбался и готовъ былъ уже повѣрить въ мою ловкость и опытность. Но дѣло въ томъ, что я привыкъ это дѣлать только съ новыми,

острыми иглами, а тутъ мнѣ попалась игла уже довольно много поработавшая.

Онъ повернулся ко мнѣ спиной и я сталъ дѣлать проколъ. Тупая игла никакъ не могла проколоть кожу. Я сразу струсилъ, но никакъ не могъ покаяться въ своей неловкости, сталъ колоть сильнѣе и очевидно причинилъ ему значительную боль. Антонъ Павловичъ даже не вздрогнулъ, но только одинъ разъ коротко кашлянулъ, и я помню, этотъ кашель убилъ меня. Послѣ этого кашля я совершенно растерялся и придумывалъ какъ мнѣ выйти изъ тягостнаго положенія, но ничего подходящаго не приходило въ голову.

Надавивъ на тѣло концомъ и повернувъ шприцъ нѣсколько въ бокъ, чтобы дать впечатлѣніе воткнутой иглки, я просто на просто выпустилъ наружу всю жидкость, которая и вылилась на бѣлье.

Когда операція кончилась и я сконфуженно клалъ шприцъ на мѣсто, Антонъ Павловичъ съ пріятливымъ лицомъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Чудесно-съ!

Больше, однако, онъ ко мнѣ съ этой просьбой не обращался, хотя мы и условились, что я всегда буду дѣлать ему впрыскиванія.

Большое мѣсто въ тогдашнихъ разговорахъ занималъ нашъ новый театръ, строившійся въ Каммергерскомъ переулкѣ. Такъ какъ Антону Павловичу нельзя было покидать больную, то ему приносили на домъ планы, чертежи и т. д.

Антонъ Павловичъ за время болѣзни жены самъ очень истощился и ослабъ. Жили они въ домѣ Сандуновскихъ бань. Окна выходили въ переулокъ. Въ іюнѣ воздухъ былъ ужасный—пыльно, душно, а двинуться нельзя было никуда.

Въ концѣ іюня здоровье Ольги Леонардовны настолько улучшилось, что ей было разрѣшено выходить. Но все же она была еще такъ слаба, что о переѣздѣ въ Ялту въ ближайшемъ будущемъ нельзя было и мечтать.

Мы предложили Антону Павловичу воспользоваться нашимъ флигелемъ въ имѣніи моей матери, гдѣ мы обыкновенно прово-

дили лѣто,—оно близко отъ Москвы (по Ярославской желѣзной дорогѣ, станція Тарасовка, имѣніе Алексѣева «Любимовка»).

Туда вскорѣ и переѣхалъ Антонъ Павловичъ съ больной женой, сестра милосердія и А. Л. Вишневскій.

О томъ, какъ они жили тамъ, я уже знаю только по рассказамъ.

Комментарий

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) – артист и режиссер, один из основателей и руководителей Московского Художественного театра; народный артист Союза ССР. В пьесах Чехова исполнял роли: Тригорина в «Чайке», Астрова в «Дяде Ване», Вершинина в «Трех сестрах», Гаева в «Вишневом саде» и Шабельского в «Иванове». С Чеховым познакомился в 1888 году; более близкое знакомство относится к 1899 году. С этого времени возникает их переписка. Известны четырнадцать писем Чехова Станиславскому (1899–1904 гг.) и тридцать семь писем Станиславского Чехову за те же годы (опубликованы в «Ежегоднике Московского Художественного театра». М., 1946, Т. I).

Впервые воспоминания Станиславского о Чехове, записанные с его слов Л. А. Сулержицким, были опубликованы в альманахе издательства «Шиповник» (Кн. 23, СПб., 1914), и затем в газете «Речь» (1914. № 177; записаны со слов Станиславского сотрудником газеты).

Позднее Станиславский писал о Чехове в своей книге «Моя жизнь в искусстве» (1-е издание. М., 1925).

Воспоминания «А. П. Чехов в Художественном театре» остались в рукописи, которая впервые была опубликована в «Ежегоднике Московского Художественного театра, 1943», М., 1945.

...это случилось в 18... – Знакомство Станиславского с Чеховым состоялось, вероятно, 3 ноября 1888 года, в Москве, на открытии Общества искусства и литературы.

Другая... встреча... на музыкально-литературном вечере в пользу фонда литераторов. – Встреча состоялась, вероятно, на литературно-музыкальном вечере, устроенном в пользу недостаточных студентов Московского университета 15 февраля 1897 года. На этом вечере Станиславский читал сцену в подвале из «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина.

Вы... чудесно играете мою пьесу «Медведь». – Одноактная пьеса Чехова «Медведь» была поставлена в Обществе искусства и литературы в апреле 1895 года и после большого перерыва возобновлена в январе 1897 года, т. е. незадолго до встречи Станиславского с Чеховым в театре Корша. Станиславский исполнял в «Медведе» роль Смирнова.

...план здания для народного дома, чайной и театра. – Встреча состоялась 16 февраля 1897 года в редакции «Русской мысли», где в тот вечер обсуждался сделанный архитектором Ф. О. Шехтелем план здания «Народного дворца», постройка которого проектировалась кружком благотворителей.

...себя сравнивал с Дрейфусом. – Станиславский имеет в виду слова из телеграммы Чехова Вл. И. Немировичу-Данченко (от 18 или 19 декабря 1898

года): «Сию в Ялте как Дрейфус на острове Дьявола. Тоскую, что не с Вами».

Дело Дрейфуса – судебный процесс в декабре 1894 года во Франции и последовавший за ним социальный конфликт (1896–1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи офицера французского генерального штаба, еврея по происхождению, капитана Альфреда Дрейфуса (1859–1935), разжалованного военным судом и приговорённого к пожизненной ссылке на остров Дьявола (где располагалась каторжная тюрьма) на основании подложных документов и на волне сильных антисемитских настроений в обществе. 12 июля 1906 года новый судебный процесс признал Дрейфуса полностью невиновным; все обвинения с него были сняты.

Больше всего он... интересовался репертуаром будущего театра. – В записной книжке Станиславского имеется следующая запись о Чехове: «Обширную деловую переписку вел с ним Вл.И. Немирович-Данченко. Больше всего они списывались по вопросам репертуара. К сожалению, я не помню мнения А.П. по этому интересному вопросу. Знаю только, что он хоть и стоял за постановку „Царя Федора“, но не считал автора ее природным драматургом. Ложноклассические тона и сильное влияние Шекспира осуждались А.П.» (Станиславский К.С. Собр. соч. М., 1958. Т. 5. С. 616).

...в августе 18[98] года «Чайка» была включена в репертуар – Вл.И. Немирович-Данченко убеждал Чехова дать разрешение на постановку «Чайки»: «Я задался целью, – писал он 25 апреля 1898 года, – указать на дивные, по-моему, изображения жизни и человеческой души в произведениях „Иванов“ и „Чайка“. Последняя особенно захватывает меня, и я готов отвечать чем угодно, что эти скрытые драмы и трагедии в каждой фигуре пьесы, при умелой, небанальной, чрезвычайно добросовестной постановке, захватят и театральную залу. Может быть, пьеса не будет вызывать взрывов аплодисментов, но что настоящая постановка ее с свежими дарованиями, избавленными от рутины, будет торжеством искусства, – за это я отвечаю. Остановка за твоим разрешением» (Немирович-Данченко Вл.И. Избранные письма. М., 1954. С. 110).

Чехов не дал разрешения, ссылаясь на то, что он не в силах переживать больше театральные волнения. Разрешение было дано только после вторичной просьбы Вл.И. Немировича-Данченко, писавшего Чехову 12 мая 1898 года: «Если ты не дашь, то зарежешь меня, т.к. „Чайка“ – единственная современная пьеса, захватывающая меня как режиссера, а ты – единственный современный писатель, который представляет большой интерес для театра с образцовым репертуаром» (Немирович-Данченко Вл.И. Избранные письма. М., 1954. С. 111).

Я уехал... писать mise en scene. – Режиссерский план «Чайки» был написан Станиславским летом 1898 года в имении его брата Андреевке близ Харькова и высылался частями в Пушкино, где шли первые репетиции «Чайки». «Мизансцена была смелой, непривычной для обыкновенной

публики, но очень жизненной», – писал Вл.И. Немирович-Данченко в своей книге «Из прошлого» (М., 1938. С. 132).

...за репетициями «Чайки», которые уже начались тогда. – Чехов присутствовал на репетициях «Чайки» 9 и 11 сентября 1898 года.

Репетиции «Чайки» временно прекратились. – В октябре и ноябре, ввиду одновременного выпуска нескольких спектаклей, репетиции «Чайки» были приостановлены и возобновились в декабре.

...митрополит... снял с репертуара театра. – Во время генеральной репетиции пьесы Г. Гауптмана «Ганнеле» была получена телеграмма московского обер-полицмейстера Трепова, запрещающая постановку этой пьесы. Поехавшие к Трепову Станиславский и Немирович-Данченко выяснили, что он не возражает против постановки, но снятия пьесы потребовал московский митрополит. Когда же, по совету Трепова, руководители театра обратились к митрополиту, тот показал им анонимное письмо, сообщавшее, что «некая вдова» имела «видение» и жаловалась, что «господа нашего Иисуса Христа на Художественном общедоступном театре позорят». Возражения Станиславского и Немировича, что, «напротив, в пьесе Христос прославляется», успеха не имели.

...в театр явилась... Мария Павловна Чехова. – Этот факт отрицает М. П. Чехова. «Почему-то, – пишет она, – и К.С. Станиславский и Вл.И. Немирович-Данченко в своих воспоминаниях упорно заявляют, что перед постановкой “Чайки” я приходила якобы в театр и просила отменить спектакль, чем еще больше создавала нервозность всей труппы перед премьерой “Чайки”... до первого спектакля “Чайки” я ни разу не бывала в театре и даже не знала, что Немирович-Данченко возглавляет этот театр. Вероятно, мои дорогие незабвенные друзья, и Константин Сергеевич, и Владимир Иванович, немножко пофантазировали для того, чтобы подчеркнуть трудности постановки «Чайки» (а с их легкой руки об этом в дальнейшем стал повторять в своих трудах и ряд наших уважаемых современных писателей-чеховедов). (Чехова М.П. Из далекого прошлого // Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954. С. 342).

...публика потребовала посылки телеграммы автору. – Первый спектакль «Чайки» в Художественном театре состоялся 17 декабря 1898 года. В ночь с 17 на 18 декабря Вл.И. Немирович-Данченко послал Чехову следующую телеграмму: «Только что сыграли „Чайку“, успех колоссальный. С первого акта пьеса так захватила, что потом следовал ряд триумфов. Вызовы бесконечные. Мое заявление после третьего акта, что автора в театре нет, публика потребовала послать тебе от нее телеграмму. Мы сумасшедшие от счастья» (Немирович-Данченко Вл.И. Избранные письма. М., 1954. С. 145).

Левитан Исаак Ильич (1860–1900) – художник, близкий друг А.П. Чехова.

Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – русский поэт, писатель, познакомился с А.П. Чеховым в Москве в 1895 году, часто гостил у Чеховых в Ялте.

Немирович-Данченко Вл.И. (1858–1943) – русский и советский театральный режиссёр, педагог, драматург, писатель, театральный критик; основатель Московского Художественного театра вместе с К.С. Станиславским.

Вишневский Александр Леонидович (наст. фам. Вишневецкий) (1861–1943) – российский актёр, один из создателей Московского Художественного театра.

Сулержицкий Леопольд Антонович (1872–1916) – русский театральный режиссёр, художник, педагог и общественный деятель. Сподвижник К.С. Станиславского, учитель Е.Б. Вахтангова.

Не думайте, чтоб после успеха «Чайки» и нескольких лет его отсутствия наша встреча была трогательна... – Здесь, вероятно, описка в рукописи Станиславского – не нескольких лет, а нескольких месяцев.

...пригласил А.П. для переговоров. – Беседа по поводу «Дяди Вани» была с управляющим театрами В. А. Теляковским. Имеется запись в дневнике Теляковского от 15 апреля 1899 года: «Заходил сегодня Чехов говорить по поводу „Дяди Вани“ и застройки этой пьесы комитетом. Чехов просил не поднимать шума из-за этого факта. Переделывать он ничего не хочет, ибо пьеса эта издана уже пять лет тому назад. Обещал написать для Малого театра новую пьесу к осени... Вообще жаль, что комитет театральный вместо помощи управляющему делает затруднения. „Дядя Ваня“ была единственная пьеса, которую выбрал я и артисты к постановке. В этом году, и эту-то пьесу забраковали».

...этого замечательного протокола. – Пьеса Чехова «Дядя Ваня» была принята к постановке Московским Малым театром и передана для рассмотрения в Театрально-литературный комитет (в составе Н. И. Стороженко, А. Н. Веселовского и И. И. Иванова), который согласился допустить пьесу к постановке только при условии переделки третьего акта. В протоколе совещания, состоявшегося 8 апреля 1899 года, указано, что «разочарование в таланте профессора, раздражение на его бесцеремонность не может служить достаточным поводом для преследования его пистолетным выстрелом, у зрителя может даже появиться подозрение, что поступок дяди Вани находится в связи с состоянием похмелья, в котором автор почему-то слишком часто показывает и дядю Ваню и Астрова». (Текст этого протокола см.: *Теляковский В.А. Воспоминания. 1898–1917. П., 1924. С. 168–170*).

Чехов отказался переделать пьесу и отдал ее Художественному театру, где она была поставлена впервые 26 октября 1899 года.

...некоторых исполнителей он осуждал... – Закрытый спектакль «Чайки» был показан Чехову 1 мая 1899 года. Чехов не был удовлетворен исполнением ролей Тригорина и особенно Нины Заречной, которую играла М. Л. Роксанова. Он писал М. Горькому 9 мая 1899 года: «...сама Чайка играла отвратительно, все время рыдала навзрыд...» О своем впечатлении от спектакля в целом Чехов сообщил П. Ф. Иорданову 15 мая 1899 года: «В Москве для меня играли мою „Чайку“ в Художественном театре. Постановка изумительная».

...при вторичном возобновлении «Чайки». – «Чайка» была возобновлена в Художественном театре в 1905 году.

...труппа... выехала из Москвы в Севастополь. – Художественный театр выехал в Крым 10 апреля 1900 года с четырьмя спектаклями для постановки в Севастополе и Ялте: «Чайка» и «Дядя Ваня» Чехова, «Одинокое» Г. Гауптмана и «Эдда Габлер» Г. Ибсена.

Флёров Сергей Васильевич (псевд. С. Васильев) (1841–1901) – русский историк театра, критик, педагог и журналист. С 1875 года постоянный сотрудник «Русского вестника» и «Московских ведомостей».

Книппер Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса Московского Художественного театра с 1898 года, с 1901 года жена А.П. Чехова. исполняла ведущие роли во всех основных пьесах Чехова: Аркадина («Чайка», 1898), Елена Андреевна («Дядя Ваня», 1899), Маша («Три сестры», 1901), Раневская («Вишнёвый сад», 1904), Сарра («Иванов», 1904).

Пешков Алексей Максимович (Максим Горький) (1868–1936) – поэт, прозаик, драматург, журналист, общественный деятель и публицист.

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852–1912) (наст. фам. Мамин) – русский писатель, драматург.

Станюкович Константин Михайлович (1843–1903) – русский писатель, известен произведениями на темы из жизни военно-морского флота.

Елпатыевский Сергей Яковлевич (1854–1933) – русский писатель, врач.

Найдёнов Сергей Александрович (наст. фам. – Алексеев) (1868–1922) – русский писатель, драматург, театральный деятель.

Скиталец Степан Гаврилович (наст. фам. Петров) (1869–1941) – русский писатель, журналист, поэт и прозаик.

Наш ярый фотограф-любитель Тихомиров – Тихомиров Иоасаф Александрович (1872–1908) – актёр. В 1895 году окончил Филармоническое училище (класс Немировича-Данченко). До работы в МХТ играл в провинции. В МХТ служил с основания театра в 1898 году по 1904 год. Исполнял роль Медведенко в «Чайке» А.П. Чехова.

Остановился он у Ветцеля. – Гостиница Н.И. Ветцеля на Екатерининской улице в Севастополе, имевшая репутацию недорогой и удобной.

Требовали автора. Он был в отчаянии, но все-таки вышел. – В записной книжке Станиславского имеются более подробные записи о спектакле «Дядя Ваня» в Севастополе: «Первый акт был принят вяло. Потому ли, что наша манера игры была необычна, или потому, что мы хуже играли, – трудно решить. Далее успех рос, и к концу успех дошел до овации.

От А. П. приходили гонцы с хорошими известиями. Он хлопал и к концу спектакля принужден был выйти на вызовы. Его появление вызвало неистовые овации и бесконечно удлинило вызовы. А.П. был очарователен во время вызовов. Он конфузился, но с достоинством стоял среди сцены, изредка отвешивая быстрые и короткие поклоны. Так как занавес умышленно долго не опускали, публика ревела еще сильнее. Он не знал, как заполнить время, и от застенчивости прибегал к своей любимой манере поправлять *pinse-nez*. Потом опять следовали быстрые и короткие поклоны.

Когда занавес опускали, он обращался к нам с таким лицом, точно вышел из-под холодного душа.

– Послушайте, что же вы не закрываете. Они же убьют меня.

На сцене было ликование, тем более что А.П. повеселел и даже румянец окрасил его щеки.

Теперь оставалось провести его незаметно для публики, иначе она могла поднять его на руки и простудить. Для этого пришлось ему переждать в самой теплой уборной.

Тут только он впервые высказался о спектакле.

– Послушайте, это прекрасно. У вас же талантливые и интеллигентные люди» (*Станиславский К.С. Собр. соч. Т. 5. М., 1958. С. 618*).

Артём Александр Родионович (наст. фам. – Артемьев) (1842–1914) – русский актёр. В Московском Художественном театре играл Экдала в «Дикой утке» Г. Ибсена. В спектаклях чеховского репертуара: Шамраев («Чайка», 1898), Вафля («Дядя Ваня», 1899), Чебутыкин («Три сестры», 1901), Фирс («Вишнёвый сад», 1904).

...как это человек в таком драматическом месте может свистеть. – В записной книжке Станиславского сделана более подробная запись: «Каждому из нас он сделал по замечанию, вроде той шарады о галстукке. Так, например, мне он сказал только о последнем акте:

– Он же ее целует так (тут он коротким поцелуем приложился к своей

руке). Астров же не уважает Елену. Потом же, слушайте, Астров свистит, уезжая.

И эту шараду я разгадал не скоро, но она дала совершенно иное, несравненно более интересное толкование роли.

Астров циник, он им сделался от презрения к окружающей пошлости. Он не сентиментален и не раскисает. Он человек идейного дела. Его не удивишь прозой жизни, которую он хорошо изучил. Раскисая к концу, он отнимает лиризм финала дяди Вани и Сони. Он уезжает по-своему. Он мужественно переносит жизнь.

Надо быть специалистом, чтоб оценить филигранную тонкость этих замечаний» (Станиславский К.С. Собр. соч. Т. 5. М., 1958. С. 618–619).

...он уже решил написать нам пьесу! – В письме С. В. Васильеву (Флерову) в апреле 1900 года Станиславский писал, что спектакли МХТ вызвали желание у писателей, собравшихся в Ялте, написать для театра пьесы. «Больше всех загорелся Горький. Он ходит как шальной и все забегаёт ко мне поделиться нарождающимися мечтами и созревающим планом новой пьесы» (Там же. С. 619–620).

Татаринова (Бергман) Фанни Карловна (1864–1923) – преподаватель пения в школе МХТ и в классах пения театра (1907–1923). Окончила Московскую консерваторию по классу пения (меццо-сопрано). Занималась теорией музыки у Н.Д. Кашкина, гармонией у П.И. Чайковского и в драматическом классе И.В. Самарина. Стажировалась во Франции у Полины Виардо-Гарсиа. Болезнь мужа и детей вынудила Татаринову отказаться от карьеры оперной певицы, поселиться в Ялте и ограничиться выступлениями в благотворительных концертах и драматических спектаклях (1884–1905).

В следующем году у нас шли... – В театральном сезоне 1900/1901 года МХТ поставил пьесы: «Снегурочка» А. Н. Островского (24 сентября), «Доктор Штокман» Г. Ибсена (24 октября), «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» Г. Ибсена (28 ноября) и «Три сестры» Чехова (31 января).

...Антон Павлович не только согласился прислать пьесу, но привез ее сам. – Чехов приехал в Москву 24 октября 1900 года и пробыл до 11 декабря, присутствуя почти на всех происходивших в это время репетициях «Трёх сестер».

...письмо А. П. Чехова к М. П. Лилиной... – В этом письме Чехов писал по поводу своей пьесы «Вишневый сад», которую он в то время заканчивал: «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс, и я боюсь, как бы мне не досталось от Владимира Ивановича» <Немировича-Данченко>.

...одного его знакомого генерала. – Полковник Виктор Александрович Петров, дядя С.В. Чеховой (жены И.П. Чехова), по просьбе А.П. Чехова консультировал постановку «Трёх сестер» в МХТ как военный специалист.

М. П. Чехова писала брату 28 января 1901 года: «Полковник Петров бывает на репетициях каждый день, делает свои замечания как режиссер. Его называют очередным режиссером, смеются над ним, но вежливы и деликатны с ним». (*Чехова М.П. Письма к брату А. П. Чехову. М., 1954. С. 171*).

...он уехал в Ниццу. – Чехов, уехавший в Ниццу в декабре 1900 года, оттуда присылал взятые для переделки 3-й и 4-й акты «Трех сестер». Отдельные замечания к пьесе он присылал из-за границы в письмах к О. Л. Книппер, К. С. Станиславскому и А. Л. Вишневскому.

В четвертом акте... Андрей, разговаривая с Ферапонтом... – В упомянутой сцене Андрей Прозоров, в присутствии Ферапонта, разговаривает с Чебутыкиным.

...чтобы... не получать никаких известий о том, как прошел спектакль. – Первый спектакль «Трех сестер» состоялся 31 января 1901 года. Чехов уехал из Флоренции в Рим 30 января.

Пришлось допустить... натяжку, чтобы телеграфировать... что пьеса имела «большой успех». – Вл.И. Немирович-Данченко послал Чехову после премьеры «Трех сестер» следующую телеграмму (перевод с французского): «Первый акт громадные вызовы, энтузиазм, 10 раз. Второй акт показался длинным. Третий большой успех. После окончания вызовы превратились в настоящую овацию. Публика потребовала телеграфировать тебе. Артисты играли исключительно хорошо, особенно дамы. Привет от всего театра» (*Ежегодник Московского Художественного театра. М., 1946. С. 193*).

Второе представление прошло со значительно большим успехом. М. П. Чехова писала Чехову 4 февраля 1901 года: «Второе представление выделило пьесу в совершенстве. “Три сестры” гораздо лучше “Дяди Вани” и даже, пожалуй, – “Чайки”» (*Чехова М.П. Письма к брату А.П. Чехову. М., 1954. С. 173*).

В марте 1901 года Чехову писал М. Горький из Петербурга, где в это время гастролировал МХТ: «...”Три сестры” идут изумительно! Лучше “Дяди Вани”. Музыка, не игра» (*Горький М. Собр. соч. Т 28. М., 1954. С. 159*).

Пресса также долго не понимала этой пьесы. – Большинство рецензий расценивало пьесу «Три сестры» как глубоко пессимистическое произведение, с чем Станиславский не был согласен. Против этих рецензий выступил Л. Н. Андреев. В статье «Три сестры» он писал, что основной мотив пьесы – «тоска о жизни – вот то мощное настроение, которое от начала до конца проникает пьесу и слезами ее героинь поет гимн этой самой жизни»... «разве вы не слышите, как бурлит жизнь, разве не доходит до ваших ушей ее гневно-протестующий голос?» (*Линч Дж., Глаголь С. Под впечатлением Художественного театра. М., 1902. С. 83, 84.*)

...когда ездили туда давать там свои спектакли. – Художественный театр гастролировал в Берлине в 1906 году.

...в церковь, венчаться... – Венчание А.П. Чехова и О.Л. Книппер состоялось 25 мая 1901 года в Церкви Воздвижения Честного Креста Господня на Помётном Вражке (ныне 1-ый переулок Тружеников, дом 8).

...телеграмма – не сохранилась.

Осенью он действительно приехал... – Чехов пробыл в Москве с 17 сентября до 24 октября 1901 года.

...Антон Павлович не мог смотреть без улыбки на А. Р. Артема... — «Дикая утка» Г. Ибсена была поставлена в Художественном театре впервые 19 сентября 1901 года. А. Р. Артем исполнял в этом спектакле роль Экдаля.

Ему очень понравилось. – Пьеса Г. Гауптмана «Микаэль Крамер» была поставлена в Художественном театре впервые 27 октября 1901 года. По поводу этого спектакля Чехов писал О. Л. Книппер 1 ноября 1901 года: «Судя по газетам, „Крамер“ не имел того успеха, какого я ждал, и теперь мне больно. Нашей публике нужны не пьесы, а зрелища», и 7 ноября 1901 года: «...“Крамер” идет у вас чудесно, Алексеев очень хорош, и если бы рецензентами у нас были свежие и широкие люди, то пьеса эта прошла бы с блеском».

...[Чехов] смотрел «Три сестры» и остался очень доволен спектаклем. – Чехов писал Л. В. Средину 24 сентября 1901 года: «“Три сестры” идут великолепно, с блеском, идут гораздо лучше, чем написана пьеса. Я прорежиссировал слегка, сделал кое-кому авторское внушение, и пьеса, как говорят, теперь идет лучше, чем в прошлый сезон».

Мы играли тогда в Панаевском театре – зимний театр, основанный Валерианом Панаевым в 1887 году в Санкт-Петербурге на Адмиралтейской набережной. Уничтожен пожаром 22 сентября (5 октября) 1917 года.

Пьесу в конце концов разрешили. – О цензурных мытарствах, которые пришлось испытать Художественному театру при постановке «Мещан», Станиславский говорил в своем докладе о цензуре на заседании Московского литературно-художественного кружка в апреле 1905 года (Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 5. М., 1958. С. 277–278, а также в книге «Моя жизнь в искусстве» (см: Собр. соч. Т. 1. М., 1954. С. 253).

Станиславский и Немирович-Данченко под угрозой запрета постановки «Мещан» были вынуждены временно внести ряд дополнительных сокращений в текст пьесы. По этому поводу О. Л. Книппер писала Чехову 17 марта 1902 года: «Ты не говори Горькому, что мы много помарали помимо цензуры. После первых спектаклей восстановим опять».

...все заинтересовались артистом Б. – роль Тетерева исполнял Николай Александрович Баранов (? – ?). Служил в МХТ с 1899 по октябрь 1903 года.

Состоялся первый спектакль. – Первый спектакль «Мещан» состоялся 26 марта 1902 года в Петербурге.

...заболела О. Л. Книппер. – О. Л. Книппер исполняла во время гастролей МХТ в Петербурге роль Елены только в первых двух спектаклях «Мещан». На следующих спектаклях ее заменяла М. Г. Савицкая.

...в сборники. – Имеется в виду подготовка рассказов для Собрания сочинений.

Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905) – русский предприниматель, меценат и благотворитель, мануфактур-советник. Был в числе первых членов Товарищества для учреждения Общедоступного театра (МХТ). Увлечшись талантом Станиславского и Горького, стал в 1902 году содиректором МХТ, финансировавшим дело. Участвовал в формировании репертуара и труппы.

...поспешили прийти Антон Павлович с женой. – Чехов и Книппер приехали в Москву 27 мая 1902 года. В этот день происходили экзамены в драматическом классе при Художественном театре. На экзаменационном просмотре, в числе других отрывков, была показана сцена из «Чайки».

...известный деятель печати Г-ий – Гиляровский Владимир Алексеевич (1855–1953) – русский писатель, поэт, фельетонист, беллетрист, драматург, журналист.

...карета от Иверской – карета от Иверской часовни, развозившая по домам иконы для служения молебнов.

...так и не увидел. – В воспоминаниях В. А. Гиляровского этот эпизод дан иначе.

Жили они в доме Сандуновских бань – В доме Гонецкой на углу Звонарского переулка с Неглинной улицей в ноябре 1901 года Чехов и Книппер сняли просторную комфортабельную квартиру на первом этаже в 5 комнат. Чехов приехал сюда 27 мая 1902 года, однако из-за многочисленных разъездов жил здесь мало – фактически только полтора месяца в конце 1902 года.

Туда вскоре и переехали Антон Павлович... и А. Л. Вишневский. – Чехов прожил в Любимовке с 6 июля по 14 августа 1902 года.